

Олжас Сулейменов

Язык письма

(«1001 слово»)

Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества

Введение

Эта книга — подготовка к этимологическому словарю «1001 слово». В ней объясняется метод анализа слова, отличающийся от традиционного тем, что происхождение слова рассматривается в генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом.

Любое письмо в истории — выразитель религиозной идеологии прежде всего. И лишь затем — государственности и культуры. Все новейшие религии входили в мир со своей письменностью. Иудаизм — древнееврейское письмо, христианство — греческое, латинское; буддизм — древнеиндийское; зораастризм — авестийское; мусульманство — арабское...

В I тысячелетии до н. э. определился кризис общечеловеческого культа Солнца, ставший одной из главных причин возникновения новейших религиозных учений, пророческих вер, выразивших себя преимущественно алфавитными письменностями. Солнечная религия, существовавшая десятки тысячелетий по всей земле, начиналась с первоиероглифов, которые сопровождали ее до эры Пророков. От них — древнейших знаков солнца, символов солнцепоклонничества произошло большинство символических и рисованных иероглифов, ставших основами образных письменностей человечества.

Знаков солнца накопилось множество, но свое исконное значение сохранили всего несколько. Палеографам хорошо знаком древнеегипетский иероглиф.

☉ га — солнце. (III—I тысячелетие до н. э.)

Происхождение его неизвестно. И понять генезис знаменитого знака невозможно, если рассматривать его изолированно, вне среды родственных графем, которые я попытался собрать на одном листе впервые.

☉ ге — солнце (др. кит.) II—I тысячелетие до н.э.

☉ ге — солнце (кит.) I тыс. до н. э. — наши дни. Случайное совпадение форм? Или за тыся-

челетие докатился огненный знак от южного Средиземноморья до берегов Тихого океана и затормозилось, замерло квадратное колесо?

А может, кто-то пронес его по волнам дальше.

☉ kin, kin, king — солнце (майя)

kon — солнце (инк.)

По пути из Египта, они «заглянули» в Древнюю Переднюю Азию? Не об этом ли говорит шумерский иероглиф:

☉ — udu — 1) Баран 2) Бог Солнца. (III тысяч. до н. э.)

Иероглиф таинственно развивался. Помогают понять ход мысли древних знакотворцев графические фигуры, еще более отдаленные от очертания природного объекта.

☉ — iai — солнце (др. тюрк. алфавит)

☉ — iui — луна, месяц (др. кит.) II тысячелетие до н. э.

И уж совсем не напоминает абрис дневного светила остроугольный шумерский иероглиф:

☉ ud — солнце (III тысячелетие до н. э.).

...Похожие и не похожие друг на друга графемы объединяла одна поэтическая идея. Ее и выражали знаки: она была важнее внешнего правдоподобия.

Пытаясь разобрататься в грамматике символа веры наших предков, я понял, как много теряет лингвистика, изучающая древнейшее слово в отрыве от первописьменности.

Я писал эту книгу и постепенно убеждался, что вначале был знак и его устное описание — слово.

Это были эмблемы Бога и имени Его.

II

Первописьмо, настоенное на символах солнца, сыграв свою языкообразующую роль, постепенно утратило начальную функцию и перешло в разряд гербовых знаков-оберегов. Лишь некоторые культуры продолжили его в новых системах образных и механических письменностей. Развитые языки (устное письмо) уже

обходились без помощи графического выражения. Для большинства этносов разрастающегося человечества наступал так называемый бесписьменный период истории. Возможно уточнение — первый постписьменный.

Но первоиероглифы дошли до нас, отпечатанные в семантике, морфологии лексем, в орнаментах и формах предметов. Восстанавливая забытые графемы первописьма Малого человечества, автор, оперируя десятками словарей, более свободно опирался на славянские и тюркские материалы. По вполне понятной причине. Если бы предлагаемый метод научно-художественного анализа слова использовал индоевропеист или семитолог, то и массив примеров из языков их веденья, естественно, превышал бы остальные. Но и в том, и в другом случае становилось бы ясно одно — метод применим при этимологическом исследовании любого языка. Ибо все они вышли из диалектов единого языка Малого человечества, которые формально отличались друг от друга, как знаки солнца.

Я не стал приводить список использованной литературы по двум причинам. Первая — за десятилетия работы над книгой прочитано несколько сот томов и статей в научной периодике. Перечень их занял бы значительную часть объема книги. Бесконечные ссылки утяжелили бы текст, сделав его трудночитаемым. Я допускаю их реже возможного, только по особой необходимости. Вторая причина — отсутствие работ, касающихся нашей темы («взаимозависимое развитие образного письма и языка»).

Наше исследование можно отнести к научно-популярной литературе. Книжки такого жанра изъясняют факты, установленные коллективной наукой, но изложенные языком, доступным только узкому кругу специалистов. Физика и математика нуждаются в специфическом языке. Гуманитарные же дисциплины и особенно языкознание такое подражание «серьезным наукам» попросту губит. Складывается впечатление, что лингвистика, утратив цель — исследование природного слова, — всю свою энергию употребляет на создание искусственной цеховой речи. Толстенные словари лингвистических терминов по объему превосходят словари иных живых языков. Очень удобен этот стиль, но наукообразие не заменяет собой науку. Платон и Аристотель писали ясно. Иные диссертации, посвященные их трудам, прочесть возможно, но уразуметь их смысл так же трудно, как содержание этрусской «Книги мертвых» на полотне, обмотанном вокруг мумии.

По природе своей общественные науки дол-

жны быть хотя бы понятны обществу, иначе они не выполняют своего назначения. Самые глубокие и тщательные исследования дисциплин, которые принято называть также — мировоззренческими, обязаны быть научно-популярными. Популярность, то есть народность изложения, должна стать одним из главных критериев оценки значимости произведения гуманитарной науки. И задача, стоящая перед автором, в том еще и заключалась — сделать лингвистический и палеографический поиск открытым, зримым большему кругу носителей языка, интересующихся происхождением основного средства общения, коим пользуемся мы каждый день и всю жизнь.

Стремясь достичь простоты стиля, старался избежать упрощения. Это оказалось самым трудным. Удалось ли — судить читателю.

Декабрь 1997 год.

Причинность слова (постановка вопроса)

Нашинские языки

«— Мама, а кто назвал Бога Богом?

— Сам Бог.

— А почему он не назвал себя Томом или Чарли?»

Мальчик из фильма задал маме непростую задачу. Она не нашлась, что ответить. Лингвистика ей не помогла.

...Главный вопрос языкознания — **причинность слова**. Расшифровывается он так: **в чем причина образования данной формы лексемы и ее значения? В чем причина их изменений?**

В попытках решить эти задачи и формировалось языкознание со времен стоиков.

От стоиков к компаративистам

Языком как предметом философии занимались давно. В III в. до н. э. мыслитель Зенон (Кипр) основал философскую школу, последователей которых принято называть «стоики». Это не тот Зенон, что сказал: «Мы не догоним черепаху».

Произведения стоиков дошли до нас во фрагментах, цитатах и поздних изложениях... Стоики создали целостную систему знаний о слове в широком смысле, т.е. о речи и разуме в единстве. Единая разумная сила мира — логос, в котором нераздельно слиты активная и пассивная, материальная и духовная стороны

бытия. Для постижения логоса необходимы три составные части знания — логика, физика и этика. Термин «логика» впервые введен стоиками как название учения о «внутреннем и внешнем слове», т.е. о мысли и о словесной ее форме. Логика подразделялась на диалектику и риторику, которые соответственно понимались как «наука о правильном рассуждении» и как «наука об умении говорить красиво». В основе разработки диалектики лежало представление о знаковом характере слова-логоса, о необходимости различать «обозначающее» и «обозначаемое». Приоритет в разработке этой теории позволяет говорить о стоиках как об основателях семиотической теории языка и возводить понятие «языкового знака» именно к ним. Стоики исследовали проблемы общей философии языка, его грамматического строя и этимологии. Они утверждали, что «три вещи между собой сопряжены — обозначаемое, обозначающее и объект. Из них обозначающее есть звук. Две вещи телесны, именно звук и объект, одна бестелесна, именно обозначаемая вещь и это есть высказываемое, которое бывает истинным и ложным» (в изложении Секста Эмпирика). Здесь надо пояснить, что под «обозначаемым» стоики подразумевали не объект, а некоторые грамматические категории. «Обозначаемое» существует лишь в языке и через него осуществляется связь между миром мысли и миром «вещей».

Стоики явились родоначальниками европейских учений о грамматике. Их терминология калькировалась римскими грамматиками и вошла в европейскую традицию. И «сказуемое», «синтаксис», «определение» и «неопределенное» время глагола, и многое другое. В том числе — «языковой знак». Понятие «знака» изначально определялось как двусторонняя сущность, образованная отношением означающего (звуковой речи) и означаемого (значения, смысла). Определение знака как единства звуков и значения прошло через всю средневековую философию. В новое время теория о знаках человеческого языка была изложена в трудах В. Гумбольдта, сформулировавшего «закон знака», который, по его мнению, вскрывал главный универсальный принцип строения языков, механизм соединения значения и звуковой формы его выражения: это единство «коренится во внутреннем, соотношенном с потребностями мыслительного, развития, языковом сознании и в звуке», которые взаимодействуют между собой¹.

Но вот, как они взаимодействуют, в чем

причина, мотивация созвучия основ и семантики их, ни стоики, ни все последующие поколения лингвистов, в том числе и Гумбольдт, не объяснили.

Эллинистические ученые не выходили за пределы греческого языка. Сравнительное языковедение начинается в XVIII веке трудами германских ученых, которые сопоставили материалы наречий, географически отдаленных друг от друга, и, кроме явных различий, обнаружили общие черты. Потрясение, которое испытали исследователи, увидев сходство немецких *mutter-fater* с древнеиндийскими *matar-pitar*, дало жизнь сравнительному языковедению (компаративистике). Результаты первого опыта были утверждены как нормы. Вводится понятие «генетическое родство языков», основанное на совпадении основных терминов родства (мать-отец), отдельных названий частей тела, нескольких простых числительных... Эти категории лексики объединяются термином — «основной словарный фонд языка». Он, по этой теории, непроницаем для влияний и сопровождает каждое наречие со дней рождения, то есть с эпохи праязыкового состояния.

Младограмматики

В 70-х годах XIX столетия в Германии возникло новое направление в языковедении, названное тогда же — «младограмматизм». Оно отвергало основные научные представления предшествовавшего этапа: идею единства глоттогонического процесса от первоначального аморфного (корневого) состояния через агглютинацию к флективному строю; учение А. Шлейхера о языке как природном организме и о двух периодах в жизни языка — творческом (доисторическом), когда язык развивал свои формы, и историческом, когда происходил процесс деградации и разрушения форм. Старость языка.

Теоретическим стержнем младограмматизма являлось воззрение на язык как на индивидуально-психологическое явление: понятия, выражаемые языком, возникают в «недрах души индивида» и «нигде больше» (Пауль). Общение с помощью языка возможно только потому, что психическая жизнь людей одинакова и звуки языка говорящего вызывают в душе слушателя один и тот же для обоих комплекс представлений. Поэтому язык является не природным, а общественным установлением. Конкретный круг внутренних закономерностей, определяющих функционирование и изменчивость языка (его звуков и форм), был сведен

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языковедению. М., 1984, стр. 127.

младограмматизмом лишь к двум постоянным процессам — **регулярным звуковым изменениям** (фонетические соответствия) и **изменениям по аналогии**. Регулярные звуковые изменения совершаются механически и осуществляются со строгой последовательностью, не знающей исключений, если с данным изменением не сталкивается другая звуковая закономерность. В науку вошло понятие **фонетического закона**, обозначающего такие последовательные звуковые изменения. Последние могут происходить и по аналогии: речевая деятельность не ограничивается воспроизведением готовых, ставших традиционными форм, но создает и новые по сходству с привычными.

Причину изменений в смыслах слов следует искать в неустойчивости, колебаниях представлений индивидуальной психики. В практике исследовательской работы младограмматизм оказал значительное влияние на дальнейшее развитие науки, уточнив методы сравнительного языкознания прежде всего тем, что выделил фонетику как самостоятельный раздел лингвистики. Однако и в сравнительно-исторических исследованиях, и в описаниях развития конкретных языков историзм сторонников этой теории **ограничивался констатацией фонетических и морфологических изменений**. Большой вклад младограмматизм внес так же и в грамматику, выделив наряду с флексией ряд других морфологических явлений, которые учитывались при определении морфологического строя индоевропейских языков. Было уточнено понятие корня. Младограмматизм, установив строгие фонетические соответствия между индоевропейскими языками, поднял этимологию и сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков до уровня, на котором эти дисциплины пребывают по сей день. То есть до уровня констатации фактов изменения форм и значений «явно родственных слов». Изменения в морфологии и в звуковом составе лексем признаны механическими искажениями, то есть бессодержательными. **Мысль о возможности сознательного вмешательства в форму существительных не допускалась**. Историзм сводился к преувеличению роли «авторитетных языков», чьи формы автоматически признавались первичными.

Соссюр

Специфика языка как «знаковой системы» особого рода и проблема мотивированности «языкового знака» по инерции продолжают ос-

таваться предметом размышления языковедов до начальных десятилетий XX века. Но с рождением теории Соссюра процесс прервался окончательно.

В учебнике для студентов филологических специальностей обобщенно и доступно изложены достижения лингвистической мысли в «эпоху Соссюра».

Третья глава учебника так и называется: «Постулаты современной лингвистики». «*Что такое постулат? Под постулатом понимается основное положение теории, из которой логически вытекают другие существенные ее положения и которое само в этой теории либо, не доказываясь, принимается как данное, либо, напротив, постепенно разъясняется, раскрывается и доказывается в ней от ее первых до последних строк, так что является настолько же конечным выводом, насколько начальной точкой. Лингвистика так же основана на постулатах. Впервые это стало вполне ясно с момента выхода в свет «Курса общей лингвистики» Фердинандо де Соссюра, изданного после смерти ученого его учениками в 1916 году. Соссюр формулировал лингвистические постулаты, в точной и афористичной форме: «В языке нет ничего, кроме тождества и различий», «Язык — система, в которой все взаимосвязано», «Языковой знак состоит из означаемого (смысла) и означающего», «Языковой знак произволен», «Единственный и истинный объект лингвистики — язык, изучаемый в самом себе и для себя» и т. д. Таких тезисных положений в «Курсе...» Соссюра довольно много, но слово «постулат» он не употреблял и трудно сказать с полной определенностью, какие из них сам он считал действительно основными, а какие — просто важными следствиями из основных. Несомненно, однако, что по крайней мере четыре следующих являются основными:*

1. «В языке нет ничего, кроме тождества и различий». Основной элемент языка — знак создается лишь отличиями от других знаков. Отличительные свойства знака сливаются с самим знаком. Назовем это положение «Постулатом о тождествах-отличиях».

В этот постулат, очевидно, входит еще и утверждение, что знак состоит из означаемого и означающего. Но это уже не постулат, а определение: знак есть то, что состоит из означаемого и означающего.

... 4. «Языковой знак произволен».

Так, понятие «естра» — означаемое, никак во внутреннем отношении не связано с последовательностью звуков s-oe-r, служащий во французском языке ее «означающим». То же

означаемое выражается иной последовательностью звуков *s-w-e-s-t-w-t* (*schwester*) по другую сторону границы, в немецком языке...»²

И так на полном серьезе почти весь век не обсуждаются, а повторяются фразы «отца современной лингвистики», возведенные в статус почти библейских законов. Автор учебника лукавит, сообщая о том, что Соссюр не выделяет главные постулаты. В первой части «Курса...», названной «Общие принципы», есть первая глава «Природа языкового знака» и параграф этой главы так и называется «Первый принцип: произвольность знака». Вместо греческого термина «постулат» Соссюр употребляет латинский — «принцип». Но суть от этого не меняется.

...В учебнике же постулат о произвольности формы и значения слова оттеснен на четвертое место. В этом, думаю, выразилось нарастающее сомнение в правильности основополагающего принципа Соссюра. И оснований для этого находится все больше.

...Фердинанд де Соссюр никогда не делал попыток написать что-либо подобное «Курсу общей лингвистики». В течение тридцати лет этот предмет вел в Женевском университете Ж.Вертеймер. Малопримечательный лингвист, опубликовавший одну-единственную брошюрку «*La linguistique*» — изложение вступительной лекции, прочитанной в 1877 году.

В конце 1906 года он скончался и освободившееся место занял Соссюр. К тому времени он опубликовал немного работ. Наиболее важная: «Мемуар о первоначальных системах гласных в индоевропейских языках» (1879 г.).

Главным достижением младограмматистов в фонетике считался отказ от традиционной точки зрения, восходящей к Боппу, согласно которой праиндоевропейский *a, сохранившийся в индоиранских, предшествовал европейским «е», «а» (на севере Европы), «е», «о», «а» (на юге). Работы ряда ученых (прежде всего Амелунга и Бругмана) показали, что если и было такое расщепление фонемы, то произошло оно еще в общеиндоевропейском. Соссюр придерживается этой же точки зрения. И, по его мнению, европейские гласные «е» и «о» механически переходят друг в друга, регулярно чередуясь: «*tego* — покрываю; *toğa* — покрывало, одеяние (лат.). Младограмматисты, к которым относился и Соссюр, в подобных случаях не допускают мысли о грамматичности таких чередований, то есть искусственном чередовании качества гласных. Подобное явление не допускалось ни в одном

языке, кроме германского. Да и там внутренняя флексия (*man/men*) лишь констатировалась и объяснялась как следствие механического искажения гласного, использованного в грамматических целях. Упорно не признавая сознательного словотворчества, младограмматисты считали (и считают) чередование качества гласных в германских словах следствием механического искажения. Соссюр повторяет это утверждение: «*В англосаксонском языке дописанная форма fot — ноги сохранилась в виде fot (совр. англ. foot), а форма мн. числа *foti — ноги превратилась в fet (совр. англ. feet)... Язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно меняющим отношения между означаемым и означающим. Это одно из следствий, вытекающих из принципа произвольности знака*»³.

Беликольное грамматическое чередование внутренних флексий «и» — ед. число, «і» — мн. число в английском (*thooth* — зуб, *theeth* — зубы, *woman* — женщина, *women* — женщины и т.д.) сведено к результатам бессмысленного фонетического процесса.

Соссюр не преодолел этого заблуждения младограмматистов.

...На три курса лекций, прочитанных Соссюром в Женевском университете в 1907—1911 годах, записалось немного студентов (6 человек в 1907, 11 — в 1908 и 12 — в 1910 году). Некоторые вели подробную запись лекций. Конспекты первого и второго года, сделанные А.Ридлингером, а также запись третьего цикла (Ж.Дегалье) оказались достаточно подробными, чтобы послужить основанием для реконструкции всего курса. В 1913 году, через год после смерти профессора, двум еще молодым лингвистам — Ш.Балли и А.Сеше пришла идея на основании чужих свидетельств (сами они лекций не посещали) попытаться представить себе, какой вид имела бы книга «Курс общей лингвистики», если бы ее написал сам Соссюр»⁴.

"Итак, произведение, на титульном листе которого значится имя Ф. де Соссюра фактически не принадлежит Ф. де Соссюру, не задумывалось им как книга, чисто случайно было прочитано им в 1907—1911 годах, чисто случайно сохранилось в не всегда совершенных записях его слушателей и было воссоздано или реконструировано лицами, которые не были непосредственными свидетелями того, как и в какой форме излагались идеи.»⁵ Активность

³ Фердинанд де Соссюр. «Труды по языкознанию», М., 1977, стр. 108.

⁴ «Курсы общей лингвистики», в указ. выше сборнике.

⁵ А.А.Холодович. «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра» (предисловие к указ. соч.). М., 1977.

² Ю.С.Степанов. «Основы общего языкознания». М., 1974, стр. 254.

соавторов, развернувших кампанию пропаганды книги с необычной судьбой, определило характер дальнейшей ее биографии. Но и не только это. Книга появилась очень вовремя. От имени женевского преподавателя решительно излагались смелые мысли, опираясь на которые, языковедение имело право прекратить бесплодные попытки ответить на главный вопрос языкознания: **В чем состоит причинность слова?** (языкового знака). Каковы мотивы его формы и значения?

Соссюр сказал: **«Языковой знак произволен»**. То есть — безмотивен! Это — главное, что и сделало книгу библией современной лингвистики. Она, по утверждению составителей советского издания, «положила начало новой эпохе в истории языкознания». Более трех тысяч трудов посвящено толкованиям и развитию «гениальной идеи» Соссюра.

...Это явление нельзя рассматривать вне времени, в котором оно проявилось. На переходе XIX—XX веков культура переживает кризис. Техническая революция, стимулированная глобальными открытиями в естественных науках, постепенно, но чувствительно отодвигает искусства и общественные науки на задний план. Завершается золотой век археологии. Историография лишается основной подпитки. Развитие фотографии и кино бьет по живописи. По художественным традициям, идущим от эпохи Возрождения. В ответ — абстрактная живопись и скульптура, отчаянно названные — авангардизм. Неприятие обществом «новых ценностей» вырабатывает у художников особую форму комплекса неполноценности: модерн высокомерно отгораживается от толпы теориями «искусство для искусства». Эти переживания распространяются на другие сферы культуры. Поэты запираются в «башни из слоновой кости», творятся новые поэтические языки, понятные только их авторам. Театры отказываются играть «натуралистические» пьесы. Появляются спектакли, переполненные натужной символикой, не рассчитанной на адекватное восприятие. Авторский произвол, становясь нормой в искусстве модерна, напрямую влиял на все гуманитарные науки, в том числе на философию и политику. В этой атмосфере зарождались революционные учения и в языкознании. Одним из таких и сделан был «соссюризм», заложивший прочные основы «лингвистики для лингвистов»:

Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ... Мы пред-

лагаем сохранить слово «знак» для обозначения целого и заменить термины «понятие» и «акустический образ» соответственно терминами «означаемое» и «означающее». Что же касается термина «знак», то мы довольствуемся им, не зная чем его заменить, так как обиходный язык не предлагает никакого иного подходящего термина», — «Общие принципы» (Глава I, Природа языкового знака)⁶.

Стойки называли это самое «целое» просто логос — «слово», включая в него те же части — «означаемое» (смысл слова) и «означающее» (звуковой образ).

В каждом языке есть такой термин. Во французском — «пароль», в русском — «слово». И в каждом языке он и до Соссюра обозначал целое — и звуко сочетание, и смысл одновременно. Надо ли было продолжать заменять «слово» термином «знак», лишая последний его природного содержания — «графическое изображение понятия»?

Соссюр: «...Первый принцип: произвольность знака».

«Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен.

Так, понятие «сестра» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков s-oe-t, служащей во французском языке ее означающим: оно могло быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различием между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое «бык» выражается означающим b-oe-f (фр. boeuf) по одну языковой границы и означающим o-k-s (нем. ochs) по другую сторону ее.

Принцип произвольности знака никем не оспаривается; но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подобающее ей место. Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы. Правда, не все они обнаруживаются с первого же взгляда с одинаковой очевидностью; их можно открыть только после многих усилий, но именно благодаря открытию этих последствий выясняется первостепенная важность названного принципа...

Слово «произвольный» так же требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно вы-

⁶ Указ. соч., стр. 100.

бираться говорящим... мы хотим лишь сказать, что означаемое немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи.

Отметим в заключение два возражения, которые могут быть выдвинуты против этого первого принципа.

1. В доказательство того, что выбор означаемого не всегда произволен, можно сослаться на звукоподражания. Но ведь звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка. Число их к тому же гораздо ограничней, чем обычно полагают. Что касается подлинных звукоподражаний типа «буль-буль», «тик-так», то они не только малочисленны, но и в некоторой степени произвольны, поскольку они лишь приблизительные и наполовину условные имитации определенных звуков (сравните, фр. *оиа-оиа*, но нем. *gaw-gaw* — «гав! гав!»). Кроме того, войдя в язык, они в большей или меньшей степени подпадают под действие фонетической, морфологической и всякой другой эволюции, которой подвергаются и все остальные слова (сравните, фр. *pidon* — голубь, происходящее отнароднлат. *pirio* — восходящее, в свою очередь, к звукоподражанию) — очевидное доказательство того, что звукоподражания утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойства языкового знака вообще, который, как уже указывалось, немотивирован.

2. Что касается междометий, весьма близких к звукоподражанию, то о них можно сказать то же самое, что говорилось выше о звукоподражаниях. Они так же ничуть не опровергают нашего тезиса о произвольности языкового знака. Весьма соблазнительно рассматривать междометия как непосредственное выражение реальности, так сказать, продиктованное самой природой. Однако в отношении большинства этих слов можно доказать отсутствие необходимой связи между означаемым и означющим. Достаточно сравнить соответствующие примеры из разных языков, чтобы убедиться насколько в них различны эти выражения (например, фр. *аie!* соответствует нем. *аи* — *ой!*). Известно к тому же, что многие междометия восходят к знаменательным словам (сравните, фр. *diable* — черт возьми! при *diable* — черт, *mordieu!* — черт возьми! из *mort Dieu* — буквально «смерть бога» и т.д.). Итак, звукоподражание и междометия занимают в языке второстепенное место, а их символическое происхождение отчасти спорно» (стр. 100-102).

Я так обильно процитировал слова Соссюра, посвященные описанию первого принципа, ибо они и стали фундаментом современно учения о слове.

Этот принцип, сам по себе явившийся следствием слабого развития самого основного отдела науки о языке — этимологии, предопределил еще большее отставание лингвистики.

Примечания

Примеры, приведенные Соссюром в доказательство версии произвольного сочинения слов языкотворцами всех этносов, на мой взгляд, недостаточно убеждают.

По Соссюру выходит, что категорическая непохожесть французского «ббф» — «бык» на немецкое «окс» — «бык» очевидней всех других примеров свидетельствует о том, что слова придумывались произвольно.

Мы вынуждены сравнивать не изначальные формы, но конечные, явившиеся результатами длительного фонетического развития.

Но если и восстановленные праформы не сопоставимы, даже тогда следовало бы воздержаться от столь категорического заключения, пока не исследованы причины разности названий таких общечеловеческих понятий, каким является — «бык». Пример, на мой взгляд, неудачен и потому еще, что сравниваются лексемы, по сути, различного содержания. Если относительно германского *oks* сомнений нет, то *böf* (фонетическая транскрипция) во французском изначально выражало понятие «вол», но не «бык». Что вовсе не одно и то же. Лишенный мужских достоинств вол и в имени своем утратил твердость. (Так и тюркское *ökis*, *ögiz* — «вол» нельзя соотносить с германским термином, несмотря на явное совпадение консонантных структур. Но противоположное названию вола протюркское **oguz* — «бык» вполне могло соответствовать германскому слову. Чередование качества гласного носило искусственный характер и использовалось в грамматических целях.) Вол в древней терминологии — «убитый бык», «кладеный бык». И потому одним словом могли обозначать в диалектах и «вола», и «мясо». У французского *böf* и английского *beef* — «говядина», вполне возможно, общий источник — **büth*, **böf*, **büf* — «вол».

Мощное влияние какой-то переднеазиатской культуры способствовало внедрению в европейские языки нового имени быка **taur*, которое вытеснило традиционные. Исток видится в древнесемитском *taur* — «бык», далее *taurus*

(лат.), toro (исп., итал.), tauris (балт.), tавros (греч.), taureau — «бык» (фр.)

Каким же было исконное? В производных латинских *bucula* — «телка, коровенка»; *buculus* — «теленочек, бычок», после исключения родовых окончаний и суффикса уменьшительности выделяется основа *buc, братья которого и *bous* — «бык» (греч.) и в праславянском *buc/*mus* — «бык» (отсюда «мукати» — мычать), и в корне *musca* — «корова» (ит.).

Тюрки, не признававшие грамматического рода, заимствовали древнеевропейское название коровы, но придали ему значение противоположное: *buca*, *buga* — бык (общетюрк.). Оно и вытеснило древнее *oguz*, *ohuz* — бык (*bouth > *outh* > *ohuth*). Кавказские языки сохраняют более ранние значения: *buga* — бычок, теленок (дарг., чеч.). Предшествующее форме *buzaw*, *buzak* — теленок (тюрк.).

Следовательно, слово *oks* — это не изобретение досужего германского языковедца, а конечный результат эволюции древнего *bous*, модифицированного в диалектах гортанной прослойкой дифтонга *bohus, и развитием дифтонга в долгие — *boos, *buus. В закрытосложных наречиях начальный губной часто редуцировался: *ohus, *oguz-ohus*, *oguz*, *oos, *uus... И здесь к месту кавказские примеры: *us* — бык (уддин.), *ots* — бык (авар.). Бык был символом самца. Его знак, вероятно, применялся в индоевропейской иероглифике как детерминатив соответствующего значения. Название знака могло стать суффиксом мужского рода: *-us* (лат.), *-os* (греч.), *-us* (др. инд.), *-as* (балт.).

...В другом направлении отошла ветвь *boos, *buus* — *booth, *bouth — *boof, *buuf* — бык. От него уже *bōf* — 1) вол, 2) *говядина; *beef* — 1) говядина, 2) *вол. (Превращение *th* > *f* не требует особых доказательств. Оно достаточно констатируется: Марта-Марфа, Теодор-Федор, Методий-Мефодий, Athen-Афины, Ethioria-Эфиопия и т.д.)

...Один из постулатов Соссюра «язык есть система». Но утверждение о произвольности слова разрушающе противоречит тому бесспорному закону. Оно возводит случайность в статус ведущего фактора языковедческого процесса.

Революционное решение Соссюра (слово — беспричинно!) позволяло не изводить себя больше поисками мотивировок формы и значения «языкового знака».

Теория произвольности слова порождена произволом лингвистики, не способной восстановить словообразовательную модель, мотивировать причину акустической формы лексемы и ее значения.

Таким образом, предмет лингвистических исследований необыкновенно сузился. Им перестало быть все древо языка с системой корней и стволом, а только крона — листва, шорох и лепет которой зависели от интенсивности колебаний воздушных волн. Копашение в самых верхних пластах истории слова — вот удел современной этимологии. Нынешние этимологические словари (например, французского и итальянского языков) уже не растекаются мыслию по древу древности. Называют латинский первоисточник и точка. А как произошло латинское слово? «Оно создано в языке — произвольно!»

Ностратическая теория

На этом этапе поиск причинности слова практически прекратился. Ограничившись обретением понятия «праязыки», лингвистика взвалила на них всю ответственность за словопроизводство и сама занялась констатацией механических искажений форм и проблемой «семейных отношений».

Историю развития компаративистики можно разбить на три этапа. Первый — формирование языковых семей [индогерманская > индоевропейская, семитская, угро-финская > уральская, тюркская — и др.], второй — попарное сближение языковых семей [урало-алтайской, индоевропейско-семитской; индоевропейско-картвельской], третий стартовал с работ Х. Педерсена, которым впервые была сформулирована гипотеза о родстве не пар, но нескольких языковых семей, а именно: урало-алтайской — индоевропейской — афразийской. Им же был предложен в 1903 году термин — «ностратические языки» (от лат. *noster* — наш). «Нашинские языки». Впервые обобщение материала, «накопанного» ностратистами, было сделано В.М. Иллич-Свитычем, он же попытался реконструировать «ностратический язык» в работе «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский)», 1965 г. Генетическое родство «ностратических языков» доказывалось наличием в них обширного корпуса родственных морфем как корневых, так и аффиксальных — около 1000. Корпус корневых морфем значительно расширил круг основного словарного фонда, включив в него названия, кроме привычных (термины родства, простые числительные, названия частей тела), определенные элементарных понятий и реалий — основных явлений природы, названий животных и

растений, пространственных отношений, элементарных действий и процессов.

Более того, выяснилось, что праязыки, которые дали шесть семей языков, объединяемых в эту макросемью, обнаруживают тождество наиболее устойчивых частей системно-грамматических морфем. Это касается, прежде всего, системы указательных, вопросительных и личных местоимений и восходящих к ним аффиксов спряжения. К генетически общим относится также значительное количество первичных словообразовательных аффиксов.

Самое ценное в этой теории то, что был признан факт — корпус генетически родственных морфем, действующих практически во всех языках планеты, связан системой регулярных соответствий, из которых значительная часть относится к разряду «нетривиальных», то есть таких, проявление которых в одной языковой семье (скажем, в индоевропейской) объясняется лишь в результате информации, получаемой при анализе соответствующего материала в других языковых семьях (угро-финской, тюркской и др.). Иными словами, компаративист получает «узаконенное право» рассматривать слово в планетарном контексте. Право, которым, к сожалению, этимологи еще не воспользовались. И потому, что опыт восстановления ностратических праформ был недостаточно убедителен. И, объективно, потому, что метод фонетических соответствий уже не соответствует сложной задаче реконструкции первоформ.

Опыт показывает, что кроме механического (фонетического) искажения формы слова существовало и сознательное изменение.

Примечание:

Ностратическая теория развивается дальше. Недавно вышла книга американского ученого Хурена, который добавил к ностратическому словарю данные языков американских индейцев («американдов»). Такое расширение позволило ему заговорить уже не о ностратическом, но об общечеловеческом, едином праязыке. Правда, доказательств этого, вероятно, естественного явления, к сожалению, те же: сопоставление внешне похожих лексем без их анализа. Так в языках американдов он встречает название воды, похожее на романские, — «аква», «aqua» или название собаки «kuni», сходное с «canis» (лат.). Всего около двух десятков подобных параллелей позволяют делать столь серьезный вывод — человечество произошло из одного источника (Адам и Ева).

...Материалы словарей, археологии, палеогра-

фии, этнологии, которыми я занимаюсь несколько десятилетий, и меня упорно подводили к такому заключению. Его невозможно обосновать данными одной лингвистики или антропологии. Я убеждался, что главными творящими факторами культуры во всей ее многосложной комплектности являлись первоероглифика и язык. Акты их активной взаимозависимости производили, формировали человеческое в самом человеке и в окружающем его мире. С первого письменного знака началась история гомо сапиенса. Это событие, как я думаю, произошло в приэкваториальной климатической зоне, может быть, в центральной Африке, где месяц выглядит лодочкой, плывущей по черному небесному морю. Малое человечество (может быть, несколько сот особей), эпоха Начала... Десятки или сотни тысяч лет назад, палеолит — древнекаменный век. Общий язык, состоящий из нескольких звукоподражательных слов. Общее письмо-символы «говорящих» животных. Извилистая линия — «змея» (ш-ш-ш; с-с), изображение рогов — «бык» (му-у)...

Введение в языковеденье

Генетика иероглифа

В Литературном институте один из поэтических семинаров вел Михаил Светлов, знаменитый на всю Москву не столько книгами, сколько веселыми афоризмами. Из стихотворений, пожалуй, только одно получило известность — «Гренада».

Начинающие поэты любили его курс. Он не преподавал — беседовал. Легко, непринужденно и очень поучительно. Репризы Светлова запоминались — так просто и точно он их формулировал. «Михаил Аркадьевич, как до сих пор писали «Гренаду»? «Сорок минут, — на секунду задумался, — и всю жизнь. Главные вещи так только и пишутся. Хочешь написать свою «Гренаду» — живи на всю катушку. Зарабатывай свои сорок минут».

Из многих уроков, усвоенных мною от учителей, этот оказался одним из самых практичных. Моя «катушка» это — десятилетия служения и службы. Прохладные и кипящие точки на карте. Транзитные рабочие кабинеты — купе поезда, салон самолета, номер в отеле... Ленинка, Салтыковка, библиотека Конгресса, комнатка при бейрутском Музее письма, до того как он был разрушен ракетами. Везло: я работал в Стамбульском университете, в Стокгольме, Париже и Токио... Вязкая, теплая древность Дели, исписанные Ахеменидами отве-

ные горы Бехистуна, вырубленные в скалах пещерные города Иордании, перуанские письмены, скандинавские руны, петроглифы Африки — в сотнях блокнотов привозил в Алмату для камеральной проработки. И мне было дано, наконец, услышать и увидеть, как письмены, собранные со всех уголков Старого и Нового Света, начинают говорить друг с другом на понятном им языке образов. Скандинавские знаки обнаружили вдруг близких знакомых среди тюркских рун и китайских иероглифов, буквы кириллицы запросто беседовали с этрусскими и древнетюркскими. В диалог неожиданно вступали казахские орнаменты и гербовые знаки...

Их надо было когда-нибудь воссоединить, эти рассыпанные, развеянные ураганами времени литеры забытого текста, чтобы попытаться сложить их в начальном порядке. Пока не поздно.

И тогда начался отсчет «сорока минут». Сначала — два месяца в вашингтонском Центре Вудро Вильсона, затем в Риме, куда был направлен на дипломатическую работу.

II

Здесь я начал «камеральную» обработку накопленного. Тихие, теплые ночи. Оглушительный телефон. Пальма за окном, освещенная яркими звездами. Круг света от лампы, как настольная луна, под которой хорошо пишется.

...Яркие, сочные мазки бессмертных имен Италии, органично вписываясь в картинную природу, оживляют портрет этой прекрасной земли, в которую рано влюбилась история и добилась взаимности.

Эта страна — великое произведение поколений. Античному полотну, даже посредственному, случайно уцелевшему в монастырских подвалах, тысячелетия добавляют художественной ценности, и оно занимает место в обществе бесценных раритетов.

Но страну из недр прошлого в будущее продвигает энергия гениев. «Страна наша такая, какой мы ее делаем!» Нетворческому, подражательному образованию не преодолеть давящего сопротивления настоящего. Сколько их было накатанных, утрамбованных пластов «настоящего» на историческом пути Италии. Но она, проламывая бетон травинками — Микеланджело, Леонардо, Маркони, Феллини — восходила вновь и вновь. Родина мировых идей — «Республика», «Империя», «Христианство», «Возрождение». Интеллектуальная атмосфера, настоенная на высочайших порывах души, породила и в новые времена фантастические всполохи

мысли, приобретающие всеземные масштабы. Объективный закон четности предполагает озарение, уравновешивающее сатанинство фашизма, родившегося также на этой земле. Здесь когда-то прозвучала куражистая формула: *Tutto il mondo e'raesa!* «Весь мир — одна страна!»

В речи императора эта фраза имела решительную интонацию, продиктованную стратегией покорения. В устах рефлектировавшего философа приобретала архаико-футуристический. Воспоминание о былом «довавилонском» единстве рода человеческого или — пророчество?

Во второй половине XX столетия идея «вся планета — одна страна» настойчиво «овладевает массами интеллектуалов».

Реализовать метафору не просто, но шаг за шагом человечество движется в этом направлении. ООН — мировое правительство... Объединенная Европа... Евразия...

Мир будущего — это Со-бытие в противоположность раздираемому распрями миру Само-бытия.

...В ночь с 24 на 25 декабря в центре площади Святого Петра в Риме, возле высоченной елки, увешанной гроздьями фиников — плодов Земли Палестинской, ежегодно проводится театрализованная мистерия — рождение Христа.

Ослиные ясли, заполненные ячменной соломой, фигура богородицы в белом, шалевом платке... Прекрасная «Аве, Мария» завершается трансляцией первого крика новорожденного итальянца, появившегося на свет в эту минуту ☺.

Вспыхивает серебром рама окна на самом верхнем этаже мрачного фасада храма Святого Петра — и Папа в светлом своем одеянии возвещает Рождество.

Он отступает в глубь покоев, и теперь над площадью, над всем христианским миром сияет квадрат с мерцающим, как звезда, светильником в центре ☺.

История иероглифа

Могучий ствол солнцепоклонничества, выросший на корнях лунопочитания, породил пышную крону религий, унаследовавших символику первых общечеловеческих вер.

Знаки, превратившиеся в идеограммы — гербы, эмблемы, орнаментальные узоры — изначально были образными письменами, имевшими и божественные, и предметные значения, благодаря которым названия их становились словами. Толкуя первоиероглифы, передававшиеся из поколений в поколения, жрецы Знака и Слова порождали новые понятия, из

которых мозаично складывалось первое знание — мифы, философии, науки, искусства.

Пытаясь воплотить священные символы в материале, жрецы создали предметы ритуалов — идолы, утилитаризируясь, превращались в орудия ремесел — охоты, пастушества, земледелия — во все более развивающийся мир осмысленных вещей божьего, а потом и человеческого промысла.

Религия бесконечного каменного века стала матерью духовной и материальной культуры взрослого человечества.

Можно еще более многословно описывать мысль, мелькнувшую, когда я впервые увидел светлую рампу папского окна с мерцающей звездой светильника в центре.

В тот момент я кажется понял задачу — попытаться дисциплинировать этой метафорой хотя бы часть хаоса впечатлений, накопленных за четыре десятка лет расшифровки, выявления генетики слова. Выразить в самом общем плане главный итог моих наблюдений — близкородственную взаимозависимость первых письменных и акустических знаков. **Причинность слова — образный знак.**

Моисей сорок лет водил евреев по пустыням Синая, дабы вымерли все те, кто помнил египетское рабство.

Но мы уходили «на поиски древних знаков», преодолевая рабское сознание пустынных истин, к цветущим культурам Египта, Шумера и Китая!.. И далее — туда, где вместе с верой в небесные светила рождались великие близнецы — графический Знак и Слово. От которых пошла и есть человеческая культура.

II

...Чтобы решить сложнейшую задачу, некоторые математики пытаются упростить ее до арифметической. Определить направление, «набросать» гипотезу. Образно любая история повторяет форму земного шара — клубок перекрестно намотанных широт и долгот. Такой представляется мне и биография письма — история человеческой мысли ⊕.

Клубок, порубленный мечами времени, изъеденный кабинетной молью. И чтобы восстановить «времен связующую нить», надо подогнать разрозненные концы в единственно верную последовательность, для чего необходимо распустить мертвые узлы, затянутые теми, кто уже вслепую брался делать эту работу.

Занимаясь проблемами генезиса словесного знака, начинаешь понимать взаимозависимость всех областей знания и приходишь к выводу —

узкая специализация, изучение обособленных обрывков единой нити, как самостоятельных целых, так же бессмысленно, как создание глобусов отдельных «самобытных» государств.

Любую самую локальную проблему надо прежде попытаться обозреть в общем плане. Как космонавт видит сначала Землю, потом — земли...

Обобщающий аспект мало применяется в «мировоззренческих науках».

Если, например, исследуется происхождение славянского алфавита (кириллицы), то дальше аналогии с византийским уставом славист никогда не пойдет. Потому что в летописной легенде прямо говорится — письмо славянам досталось вместе с христианством и сочинили алфавит греческие богословы Кирилл и Мефодий. Ученый-славист будто и не выходил из монастырской библиотеки X века. Он видит вокруг себя на полках только свитки византийских пергаментов. Иное — недопустимо, ибо — чужое, а в чуждом — богохульство и заблуждение.

Но из нынешнего «космоса» и кириллица видится иначе: в среде других алфавитов и иероглифических систем.

Книг по истории письма написано не так много. И выводами они мало чем отличаются одна от другой.

Ни в одном труде не допускается мысли о возможности происхождения всех письменностей Земли из одного источника.

Мы попробуем предположить существование эпохи общего Начала.

Может быть, наша версия — такой же миф, как библейский сюжет об Адаме и Еве, или как древнеегипетское сочинение, согласно которому человечество произошло от разнополых близнецов, выпавших изо рта бога Атума. Но ведь было начало клубка!..

Первый круг и Первая точка

Начать прорисовку общего плана темы хочу с происхождения первой геометрической фигуры, подсказанной человеку его великим учителем — природой.

Гуманоид сделал первый шаг к гомо сапиенсу не тогда, когда поднял голову и увидел на черной доске африканского неба золотым мелом начертанный знак, а когда перенес его на песок пальцем. Потом на сырой глине повторил палочкой.

Луна графически выразительней, чем раскаленное солнце на выгоревшем от зноя небе: луну можно созерцать, не щурясь, не уставая, подолгу.

На солнце не взглянешь.

Поэты малого человечества эпохи Начала уже осознавали, что мир состоит из зеркальных противоположностей — ночь-день, верх-низ, прохлада-жара. И в этой системе парностей роль доброго гения, отца всего сущего отводилась ночному светилу. Ночь — время прохлады, любви и охоты. Это в сегодняшних поэмах луна и солнце — идеальная романтическая пара, Ева и Адам. Но тогда луна — еще добрый Авель, пасущий мириады звезд и звездочек, солнце же при своем появлении стирает их с выбеленных зноем небес. Оно — тиран! Светить, сиять, сверкать, сжигая, — право и обязанность только окаянного солнца!

Луна стала божеством в южных широтах. Научила человека начертить круг, сотворить материальный идол — диск из глины и камня. И почитать все круглое на земле: такие предметы уютны Богу.

Тусклые рукотворные «луны» не полностью выражали идею светила.

Человеку приходилось разводить костры в руслах пересохших рек, на камнях аллювиальных выносов. Кто-то заметил как плавают камни. Растекались лужицей, застывали необычные кругляши. Первыми открывались самородное олово, золото, серебро. Теперь круглость формы обогатилась добавочным элементом — блеском.

Эти новые иконы заставят сиять отраженным светом. Их внесут в каждое жилище. Первое назначение металлов — идолы луны.

...Пытаясь начертить идеальный круг, жрец создает приспособление, которым мы пользуемся по сей день.

Циркуль помимо окружности производил еще один не предусмотренный значок — углубление в центре от опорной ножки.

Этот технический побочный эффект на смысл знака пока не влиял: и «пустой круг», и усложненный, но идеальный выражали одно понятие — Луна.

Оправдание, по-видимому, находилось: точка как бы символизировала пятнистость лунной поверхности.

Грамматист — жрец знака и слова — был в каждом племени. Он толковал священные символы и присваивал им значения, зависящие от степени его образного мышления, темперамента и общей культуры.

В книге «Аз и Я» (1975 г.), размышляя о фигуре словотворца, я по результатам, выраженным в словах, определил два типа поэтического виденья — микро и макро. Одни поэты мыслят категориями приземленными, конкретными, другие — оперируют глобальными об-

разами. Механизм поэтического творчества не изменился. Основа его — метод сопоставления. И сегодня мы нет-нет да уподобим красавицу березке или кипарису. А КТО-ТО — вселенной.

Словотворцы, работая со священным иероглифом, доставшимся им от предков вместе с названием, пытались разгадать заложенную в него символику, полагая, что он есть графическое выражение того или иного природного объекта, представителя животного, растительного мира или другого явления природы, формой отдаленно напоминающего очертания знака. Переносили на них его название и обоже-ствляли их как земных воплощений Бога. Ибо иероглиф людям новых поколений доставался в качестве знака Бога — покровителя племени. И никаких изменений фигуры его и названия не допускалось.

Психологически мы все те же. Какими были в палеолите и в средние века. Даже самые все-сильные не рисковали покушаться на непонятную традицию: «Я не глупец, чтобы воевать с неизвестным» (Наполеон). Древнерусский монах, тиражируя от руки священное писание, допустил чернильную кляксу на одной из пергаментных страниц. И по небрежности забыл ее смыть. Все последующие переписчики аккуратно повторили кляксу на том же месте текста. Веками. Благодаря такому трепетно-верующему отношению к традиции, первоиероглифы, почти не изменяясь, дошли до наших дней. И звукосочетания их названий, прошедших через горнило миллиардов по-разному настроенных глоток, почти не утратили последовательности звуков, количества их и качества.

Точка уцелела и тиражировалась в тысячелетиях именно потому, что произвольное изменение священного знака было недопустимо. Если она появилась в контуре, значит так было всегда.

Первый этап сотворения графической луны завершается образами «самодеятельной» и технической графем:

○=⊙ — Луна.

Первое название знаков, скорее всего того и другого, было общим. Его уже не восстановить. Хотя, может быть, акустически имя и не выражалось. Только идеограммой.

II

Луна давала возможность создать несколько графических вариаций своего образа — от юного месяца до полной луны и далее — убывающей.

В эпоху Начала вполне обозначимы отрезки времени в виде «ломтей» луны разной толщи-

ны. Нетрудно было подсчитать, сколько ночей приходится на каждую определенную фазу и сколько их всего вмещается в период от рождения луны до истаяния. Время, по-видимому, исчислялось количеством ночей. Категория «день», надо полагать, появилась в следующие времена, когда главным светилом стало солнце.

Со временем разность знаков вызывает необходимость объяснения. Человека всегда интересовала причинность любого явления.

И только когда в одном из родов малого человечества луну стали передавать «фазой» — полукругом, появляется опора для толкования:

☾ — «луна (месяц) и звезда».

Какая из 10 миллиардов звезд нашей галактики достойна была рисоваться на пару с лунной?

Конечно, — Венера. Она, самая яркая, появляется над горизонтом, после захода солнца и перед появлением луны. Третье по значению суточное светило и второе — ночное.

Возникает культ — «Луна и Венера». Чтобы подчеркнуть новую семантику точки, ей подрисовывают лучи. Поначалу два, ибо использовали лишь два пространственных направления — «верх-низ»:

☽

В другой первокультуре принято — «левое-правое»:

☾

И контаминация приводит к четырем сторонам Света:

☽

Точка получает законную прописку и самостоятельное значение.

Осмысливая эту уже реальную графическую пару, жрецы творят первые сюжеты о паре космических прародителей человечества — «Месяц и Венера».

Месяц — мужское начало, ибо — «рога», значит — «бык». «Венера в рогах бычьих». «Рожденная из головы Быка» — табуистическое имя Венеры, богини женской красоты, праматери.

Точка становится эмблемой женственности. Красная или серебряная точка над линией бровей — признак женщины. Родинка на лице — «к счастью!» ☽.

На этом этапе формальное уравнение вариантов

☽ ☽

приводит к семантическому хаосу: Венера не может быть внутри луны! Но — худо для того и происходит, чтобы извлекать из него добро: «неграмотная» фигура использована математически. Разделив луну на четыре части, чело-

век создал временную единицу — «неделя» («четверть месяца»).

(Забегая вперед: *wuk — луна, месяц, *week — неделя. А так же — соотносимость со славянским — vek — предельное время, когда крест стал знаком умножения.)

Уравнение — «полная луна = месяц» — стало открытием, во многом определившим развитие первоиероглифического письма и форм материальной культуры. Как одно из следствий этого графического явления — в большинстве языков и луна, и месяц выражаются одним словом. И лишь в некоторых для каждого нашлись отдельные термины, которые в процессах этногенеза и культурного взаимодействия, прежде чем встретиться в общенародном лексиконе, содержали в диалектах каждое по отдельности оба упомянутых смысла. Слово «луна» обозначало в древнерусских диалектах не только «полную луну», о чем свидетельствует сам этот фразеологизм, так же как и «месяц» не всегда — только фазу. Иначе зачем было изобретать — «полумесяц»?

Бык или корова?

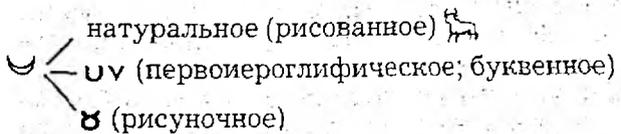
...Слово «грамматика» произведено от греческого «грамма» — буква. Я вижу в этом волевой или невольный намек на былую роль письменного знака в управлении словом. Применяя термин «грамматист», мы имеем в виду творцов иероглифов и первых словотворцев, которые, толкуя знаки, закрепляли свое понимание в новых смыслах названий, этим делая их новыми словами. Увлечшись этимологией, я почувствовал генетическую связь слова с графическим изображением, конфигурация которого отпечаталась в семантике. С тех пор, пытаюсь понять технологию словопроизводства, занимаюсь палеографией — в особенности генезисом знаков древних письменностей, не утративших родство с образами забытой первоиероглифики. Впрочем, «забытой» — неправильно: все первоиероглифы дошли до рисуночных письменностей Шумера, Египта, Китая и майя. Наибольшую же сохранность проявляют знаки первоиероглифики, как это не покажется странным, в алфавитах. Буквы (обесмысленные иероглифы) создавались не из египетских иероглифов-рисунков, а непосредственно из первоиероглифов. Как и египетские иероглифы, шумерские, китайские и майя. К этому убеждению я пришел, наблюдая эволюцию знака Быка (рогов) в различных письменностях обозримого времени, то есть с поры, называемой археологами верхним палеолитом — 40—30 тысяч лет до рождества Христового.

Этапы развития этого древнейшего, одного из самых первых знаков человеческого письма, иллюстрируют вечную, непрекращающуюся борьбу двух направлений изобразительного искусства — натурализма и символизма.

От палеолитического иероглифа «Бык», когда божественное животное (тотем-прапредок) изображалось на стене пещеры-храма в натуральную величину, в цвете, во всех мельчайших подробностях (пещера Аль-Темира, юг Франции), до во много раз уменьшенной, схематической фигуры быка на скалах раннего неолита — этап, который можно расценить и как время деградации высокой изобразительной и материальной культуры древнекаменного века (даже краски не выцвели!), но и как свидетельство качественного скачка в художественном сознании человека, выразившееся в способности увидеть великое в малом. Это уже шаг к символизму, к возможности через частное выразить целое. И было то нас на планете всего ничего, и обитали в каком-то одном регионе роды и племена Быка, и не одно тысячелетие потребуется, чтобы разрослись роды и разбрелись по земле в поисках мест обитания, и вместе с ними разошлись гербовые знаки — обереги и их названия.

Когда рисованный знак Быка превратился в рисуночный (изображение рогатой головы) и в предельно символический («галочку»)?

Мне поначалу казалась логичной схема последовательности эволюции знака: натуралистическое изображение (палеолит) — схематическое (ранний неолит) — рогатая голова (поздний неолит, Шумер, Др. Египет) — «галочка» (uv — эпоха бронзы). Но данные «тысячи одной» этимологии противоречили такой последовательности. Они предлагали другую:

Маяковский писал: «Поэзия — та же добыча радия, в грамм добыча, в год — труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Я, издав с десятков стихотворных сборников и поэм, убежден в справедливости этой оценки. Но по степени энергоёмкости стихотворчество не идет ни в какое сравнение с тем делом, которым я вгорячах занялся когда-то. Перефразируя классика, сказал бы: «Палеография — добыча радия...» Десятилетия добываешь в слежавшихся пластах стратиграфий грамм сияющего «грамма», но зато какое

счастье испытываешь, греясь в его опасных лучах!

«Бык» — простое, как мычание

Революционная атмосфера 20-х годов поуждала футуристически настроенных поэтов сбрасывать с «корабля современности» старье — дворянскую культуру и «одворянившийся язык», непонятный простому народу. Искали начала речи.

Маяковский мечтал создать для улицы, что «корчится безъязыко», поэтический язык — «простой, как мычание».

«Председатель земшара» Велимир Хлебников, отказавшись от подушки, носил свои стихи в наволочке. Считая себя наследником древних мировых цивилизаций, а не только национальной, он свободно включал в свои творения слова из мировых языков, не заботясь о переводе: «Сын сини Син льет свет на уснувшие села...» И читатель должен был догадываться — «син» это название ночного светила из какого-то наречия «земшара». Я расшифровал эту строку, когда узнал старовавилонское «Sin» — Бог луны. Хлебников разрабатывал тему мировой луны с каким-то особым пристрастием, словно подсознанием ощущая, что она имела отношение к истокам человеческих языков и культур: «Не дремлет тюркский ай на черном небе...», «ай» — луна (тюрк.)

Первый из хлебниковистов Маяковский развил тему Начала от месяца до мычания.

В переключке поэтов мне видится потаенная закономерность. ...Поэты эпохи Начала увидели в Луне-Мясеце знак Мычащего задолго до Велимира и Владимира. И тогда ночное светило получило имя, Звукоподражательный характер первого названия Мясеца (а потом — полной луны) у меня ныне не вызывает сомнения. Как и то, что совпадение символа быка (рогов) с фигурой месяца определило отношение лунопоклонников к Быку, как к земному, воплощению божественного светила. Бык стал богом — тотемом, прародителем человечества. За ним — Корова, Матерь.

По-своему прав Остап Бендер, в гневе утверждавший — не все произошли от обезьяны, многие — от коровы! Биологически, да, здесь прав Дарвин, с этим даже Папская Академия недавно согласилась.

Но в культурном отношении — поддерживаю версию Остапа — гуманоид превращался в человека благодаря рогатому божеству, Быку и затем — Корове:

У — Бык.

Бык мог себя акустически обозначить. Его природное слово-речь и стало само-названием.

Любой сельский ребенок трех-четырёх лет назовет вам имя быка и коровы: «му-у». Оно общепланетарное. Ему не было альтернативы. Юное человечество, изображая знак Быка, описывало его звукоподражанием, и совпадение графемы с природным знаком, начертанном на ночном небе, распространяло то же звуко сочетание и на него:

У — му — 1) Бык, 2) Месяц-Луна.

Это был первый и очень важный для культуры шаг — перенос имени звучащего объекта на немой, не способный назвать себя. Следовательно, мы можем отбить линию:

1) Начальный этап развития языка — звукоподражательный.

2) Письмо позволило назвать немые объекты, внешне похожие на озвученный графический знак.

Так возникла схема основной словообразовательной модели: «знак + название + толкование знака = слово-понятие».

Ни один язык не обошелся без этого механизма. Все — изначально знали первописьмо, иначе бы не состоялось.

...Подбирался к этой мысли издавна. Выезжая на геологическую практику, в экспедиции, пользовался любой возможностью, чтобы послушать мычание.

Часто доводилось останавливаться на ночлег у хозяев, державших корову или быка. Не упускал этих случаев, чтобы пополнить блокнот результатами фонологических наблюдений.

До конца не понимал — зачем. Как мне, будущему инженеру-разведчику нефтяных и газовых месторождений, могут пригодиться нотные записи коровьих бельканто, но разве то, чем увлечен, обязательно должно быть профессионально использовано? Просто созерцал месяц и слушал мычание. Всегда находил время для этих занятий. Как писатель объехал свет. Улучив момент, брал интервью у рогатых на всех континентах, где они водятся. Прослушивая диктофонные записи, однажды понял, чем отличается наша детская, упрощенная передача «му» от фонологически более точного бычьего-коровьего слова-языка.

Первые жрецы лунной религии не могли позволить себе неполную передачу священного самоназвания. Они наверняка еще более тщательно вслушивались во все оттенки мычащего звуко сочетания: для них, воистину, слово Быка было словом Бога.

Они слышали, что Слово, начинаясь с губного согласного (m) продолжается тягучим носо-губно-небным гласным (ü) и завершается носо-небно-гортанным согласным (n).

Это более точная буквенная транскрипция бычьего-коровьего самоназвания, которое, вероятно, ввели в свою речь жрецы и научили племя произносить имя предельно точно — фонему за фонемой. Ни в коем случае не искажая: это имя божественного прапредка, принявшего обличье быка.

Характер второго диалекта языка эпохи Начала определился аналогом первого слова — *bün — так услышалось другим жрецам бычьего самоназвания.

Борьба этих двух начальных диалектов за истинное произношение божественного слова скажется на судьбе языков.

Мы можем уверенно обозначить два первых диалекта языка эпохи Начала: м-Диалект и б-Диалект.

Пытаясь воспроизвести непривычное звуко сочетание, человек развивал свой речевой аппарат, способный произносить только звуки природного слова-речи, с которым человеческий вид и пришел в мир.

Нам не дано уже восстановить человеческое Первослово (если, конечно, не походить с диктофонами за всеми видами обезьян): оно растворилось, затерялось или включилось в звуки, приобретенные человеком, избравшим в прародители Быка, Птицу (южный месяц), Льва, Тигра или Волка (северный месяц) и соответственно называвшего тотемов их самоназваниями: пытаясь без усилий передать имя божества, признанного очередным прародителем, человек воспитывал свой акустический орган, вырабатывал способность выговаривать и другие самоназвания животных. На каком-то этапе знак Бога, ставший гербом племени, напомнил змею. Такой же извив.

Не записывал змеиную речь, но полагаю, что весь набор свистящих и шипящих звуков человек перенял у ползучего, так же обожествленного. Если бык научил человека «бодать» (создается оружие, подобное рогам, — рогатина), то змея — ползать и «жалить» (фабриковать тонкие острия — иглы, поначалу такие же кривые, как зуб змеи).

Человек был долго рабом природы и благодаря способности подражать стал царем ее.

Можно ли изолировать человека и его культуру от природы? Паук подсказал принцип ткачества, пчелы — сотовое строительство, муравьи — организацию массового труда, бык

— схему социального устройства рода и способы самозащиты, лягушка научила нырять и плавать, медведь — всеядности, помогающей выживать...

Всему человек набрался у братьев своих в пору, когда меньшими их еще не называл. Почитал как старших и более приспособленных к суровым, не щадящим человека условиям существования. Подражая травоядным тотемам, он стал вегетарианцем и лекарем самому себе — лечась только теми растениями, которые отыскивало больное животное.

Подражая тотемам-хищникам, стал мясоедом. Но пошел дальше своих учителей, приручил «корм», чтобы не зависеть от удачи на охоте.

Всем своим существом и существованием человек генетически связан с матерью-природой, и странно было бы полагать, что он пришел в мир сей не как остальные братья, которых эволюция наградила только одним словом, коим во веки веков приписала выражать всю гамму чувствований и инстинктов.

Крупные рогатые всюду, где я их наблюдал и записывал — в казахском ауле, в российской деревне, на американской ферме, в Индии, в Африке, — выговаривали одно слово. В зависимости от ситуации и настроения говорящего оно отличалось темпо-ритмом и интонациями, но фонемный набор и порядок звуков сохранялись. Передавали этим созвучием всю гамму переживаний, доступных рогатым, любую чувственную информацию — чувство сытости, голода, нежности к теленку, недовольства, ярости и страха. Любви, боли и смертной муки. Трехфонемное звуко сочетание, наполненное таким содержанием, — это уже не слово, а язык. И человек инстинктами еще не выделялся из мира животных. Избрав Быка родоначальником, протославяне, например, причисляли себя к племени Быка — «мы» (*му) и речь свою называли «мова» (*му-а).

...Потом, когда звук абстрагировался, отделился от природного субъекта благодаря возникшей полисемии символа, жрецы, доверяя ему, переносили его название на все предметы и явления, внешне похожие на графический знак. И тогда появились лепечущий «лев», мыгчаще-рыгчащий «муравей» и каркающая «корова». Вот эта несовместимость созвучия и природного образа породила мысль о произвольности формы слова и значения.

Человеческому виду не сразу была дана многозвучная, многословная речь. Человек заслужил свой «великий, могучий» в десятках, а может, сотнях тысячелетий, мыча, рыча и пресмыкаясь.

...Но все же бык или корова? Вопрос этот, вероятно, занимал и жрецов эпохи Начала. Они были ближе к природе и наблюдательней, чем мы: знали, что не у всех видов рогатых самки обладают этим оружием. А самцы — всегда. Поэтому, рисуя знак рогов, стали выражать понятие — «бык». Самец крупных рогатых станет земным воплощением ночного светила.

Ни в одном языке не сохранились омонимы *mūn (būn) — бык; *mūn (būn) — месяц, луна. Но отголоски этой древнейшей пары слышимы в островном германском: moon — месяц, луна; month — месяц (время); man — муж, мужчина (англ.). И в древнеиранском muh (*munh) — «месяц, луна», mans, manas — Муж.

«Бык» — начальное звено короткой семантической цепочки, за которым следовали — «самец» — «он» — «Муж» — «мужчина».

Корова — убитый бык

Нещадное солнце изгоняло человека из экваториальных широт.

Обожествившие быков — земного и небесного, уходили вслед за стадами туда, где трава сочнее.

Менялось положение месяца в более северных широтах и поворачивалось его графическое изображение в письменном поле. ☾ ☽

Следствие — жрецы обожествляют «ухо неба». Ухо жрицы прокалывают и вставляют изделие из драгоценного металла или камня, чтобы сверкало, как и положено знаку Венеры.

Место прокола постепенно переместилось с середины ушной раковины на мочку. Удобней и не так болезненно. Но это случилось позже, когда связь с письменным знаком была утрачена и смысл первоначальный утрачен. Осталась только традиция, поддерживаемая слабенькой функцией — «для красоты». Обряд женский, ибо — «Венера».

Не потому ли ухо считалось у вавилонян «вместилищем жизни и разума»? У истуканов острова Пасхи неестественно большие уши, мочки оттянуты до плеч. Вероятно, великое Ухо означало и великий Разум. Большеухие становились жрецами — потомками богов. Влиять на природу человека научились рано. Если веками оттягивать уши тяжелыми подвесками — задача включается в генетический код. Ранняя плешь — следствие былого «выщипывания макушки с целью создания тонзуры — знака ☉. Те, кто истолковали его как «око», культивировали круглые глаза. Китайцы, заменив знак ☉ — «солнце», «*око» на ☉ — «солнце-око», «сформировали» узкоглазость.

Тюрки отрицательно относились к горизонтали, как к символу смерти, «лежания». (В орхоно-енисейском алфавите ни в одной букве нет горизонтального штриха.) Они могли называть знак «закрытого глаза» — «ольмек» — 1) умирать, 2) смерть (тюрко-огуз.) Как символ предков знак под этим наименованием мог стать гербом одного из племен будущих америндов. Известен южноамериканский народ «ольмек», чьи нефритовые истуканы, вероятно, изображавшие духов предков, отличались выдающейся узкоглазостью. Недавно на них обнаружены выцарапанные иероглифы, которые признаны идентичными древнекитайским письменам эпохи Шан (начало I тысячелетия до н.э.).

...Графема развивается:

И в тех племенах, где полумесяц превращен в угол («нос»), прокалывают ноздрю с той же целью. Культ великоносых.

Каждый обряд (ритуал, обычай) не придуман произвольно «шаманами», но имеет свою знаковую причину.

Отношение к луне менялось по мере перемещения в высокие широты. Ночи становились холоднее, остывала и вера во всемогущество луны. Она продолжала светить, но этот свет ассоциировался уже не с благостной прохладой, но холодом. Лунопоклонничество сменяется сначала осторожной, но чем северней, тем нарастающей до неистовости верой во вчерашнего дьявола — в Солнце!

Теперь оно — божественный прародитель, одно без всяких прилюдных венер! Луна превращается во врага солнца, злого демона, беса!

Переход одной формы сознания в следующую не уложить в привычные нам рамки хронологии. Может быть, десятки, а то и сотни тысячелетий обреталось, возрастало и распадалось, как пчелиный рой на много роев, юное человечество в землях, обласканных ночным светилом, но первые признаки культуры солнцепоклонничества мы встречаем в Евразии в пределах времени, датируемого объективными химико-физическими методами. В верхнем палеолите — 40—30 тысяч лет тому назад.

Лунопоклонничество не завершилось разом и повсеместно. Оно продолжалось чуть ли не до наших дней. Особенно в культурах, оставшихся в зонах, где климат благоприятствовал почитанию Луны и Венеры.

Но другие племена, осваивая северней расположенные пространства или горные местности, где природа суровее, должны были помечать религию.

Психологически этот процесс протекал, ве-

роятно, столь же непросто, как и подобные в «историческое время».

«Язычники» травили первохристиан — это нам известно по христианским источникам. Какие муки за веру принимали, в каких горных пещерах вдали от глаз людских устраивали тайные храмы и как потом, пересилив язычников, истребляли эту нечисть, сжигая эллинские библиотеки, превращая их богов в дьяволов, — знаем.

Едва ли полегче была судьба и у первых солнцепоклонников. И, наверное, после победы они не менее жестоко расправлялись со своими предшественниками, бывшими единоверцами. Ибо первый знак солнца подсказывал им, как надо поступать с врагом.

Этот иероглиф — призыв к убийству.

Жестокое солнце

Как изобразить солнце, чтобы оно графически отличалось от луны?

На этот вопрос и нынешние художники не ответят. Круг с лучами? Но и луна излучает свет.

...Решение было найдено, и оно свидетельствует о существовании в тогдашней древности научной дисциплины, какую не мешало бы иметь и сегодня — **сравнительная палеография**.

Культе солнца возникает в той части малого человечества, где знак Венеры с лучами в процессе упрощения письма превратился в черту или крест: ☽ — ☽ — ☽ — ☽.

Незначительная трансформация имела поразительные последствия.

Вся история цивилизаций эпохи Солнца вырастает из точки, оставленной циркулем одного из «техников» каменного века. А далее — лучистая точка превращается в черту и крест.

Новый знак требовал толкований. Все они сошлись в одном поэтическом решении — черта и ее аналоги — это знаки оружия — копья, стрелы, топора: точка оставлена острием «цикуля».

«Луна под знаком оружия» может означать только одно — «убитая луна», то есть — «не луна». (Мы до сих пор зачеркиваем ненужное место в тексте. Как индейцы в наскальных рисунках накладывали черту-копье на изображение животного. И читатель понимал — убитое. Черта и крест, как символы отрицания, не единственное наследие первоиероглифики в сегодняшних письменностях, но очевидно — одни из самых древних графем.) Такое ис-

толкование позволило усовершенствовать общий знак. Вертикальная черта продлевается, она теперь пересекает линию луны-месяца, полнее выражая понятие «луна, пронзенная копьём»:

ψ φ

Но копьё по традиции начинается с того места, где раньше располагалась точка, ибо она — луч, исходящий от звезды. Позже и этим пренебрегут: φ φ

Теперь копьё (стрела) пронзает светило, начиная свой полет снизу, с земли. Уточнение направления вносится дорисовкой копьёю наколеника: φ

Но продолжается и традиция копьёя, развивающего идею луча. Контаминация двух этих смыслов производит такие фигуры: ψ φ.

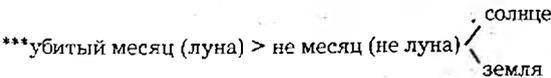
Мы приближаемся к пониманию семантического перехода от «Луна-Венера» к «Рога-копьё», соответственно порождающее значение — «убитый бык» («убийство быка»).

Контаминация «Луна = Рога (Бык)» произвела синкретичный итог: «убийство Быка = убийству Луны».

ψ φ φ — «убитая Луна» = «не Луна» = «Солнце». Первый семантический веер, образованный толкованиями сложного знака «зачеркнутые рога» (месяц) в культурах эпохи, представляется таким:

Синхронно осваивается параллельное направление:

Один и тот же знак под одним и тем же названием в разных культурах эпохи Начала обозначал разные смыслы. Параллели пересеклись в процессе скрещивания социумов и смешение произвело синкретические образы: Корова-Солнце, Баран-Солнце, Конь-Огонь, Теленок-Солнце...

В одной из давно читанных книг мне встретилась репродукция рисунков на стенах пещеры палеолита в Испании или Франции (40—30 тыс. лет до н.э.). Она есть эта книга: но забылось название, автора не помню. Все попытки обнаружить ее в римских библиотеках оказались бес-

плодны. И потому не могу сослаться. Но в памяти навсегда отпечатались изображения: фигура черного быка с копьём в боку и на корпусе трижды повторенные таинственные знаки.

Не забыл: потому что для меня это были первые письменные знаки столь глубокой древности. Десятилетиями я постоянно возвращался к ним, пытаюсь понять: что выражалось ими. Сейчас, кажется, понял и потому решаюсь комментировать это панно, будучи уверен, что специалисты знают о таком палеолитическом памятнике...

Убийство быка

Сцена Убийства Быка художественно расшифровывала информацию, закодированную в символах, начертанных на теле священного рогача. φ φ φ «убийство луны». Иначе говоря, создание солнца.

Эта пещера, по всей видимости, была храмом первых солнцопоклонников, признавших своим божеством корову — земное воплощение дневного светила.

Новая вера рождалась из отрицания старой, утверждала себя категорическим отказом от главных ценностей прошлого — от Культа Быка и Луны (Месяца).

Храмы солнцопоклонников, вероятно, устраивались в труднодоступных, горных районах, как впоследствии святилища первохристиан и первомусульман: новая религия и тогда в древнекаменном веке не цветами приветствовалась. Как не просто расставаться с нажитым духовным капиталом, всей системой общественных ценностей — нам известно. Новая религия — это зачастую коренное изменение и хозяйственного уклада, и тотальное разрушение социальной иерархии.

Поклоняться Корове — это отдать власть в племени женщинам. Солнцопоклонничество поначалу — религия матриархата.

Борьба противоположностей неизбежно переходила в единство.

Смена культов происходит в более высоких широтах, где начинают осознаваться преимущества солнца. Если в жарких краях солнце — изнуряющий зной, пересыхающие источники, то на севере солнце — тепло и свет. Это зеленый, пробуждающийся от спячки мир. Солнце — это жизнь!

И женщина зачеркнула рога!

Первыми тореро в состязании с быком-богом, уверен, были женщины-жрицы. Решительные северянки. Они умели пользоваться копьём и каменным топором. И знали название ору-

зия. В ту эпоху оно могло быть только звуко-подражательным.

...Боксер, нанося удар, резко выдыхает — ха! Раскалывая полено, метнув копье на стадионе, любой из нас производит то же физиологическое — ха!, которому Первые придали статус слова, выражающего понятие «оружия». Сначала так могли называть копье и топор. Полагаю, что первым названием черты в общечеловеческом письме палеолита стало слово *ha — копье, оружие. По сути, тоже — звуко-подражательное. В дальнейшем с ним в диалектах будет соперничать «стрела» — *i (- gi - dzi - dzi - di - d - t). Восстановив первые звуко-подражательные имена Луны-Быка (mûn/bûn) копья (ha), мы вправе попытаться прочесть символический иероглиф, написанный несколько десятков тысячелетий назад на теле рисованного иероглифа (бык в натуральную величину с копьем в боку). Зная первое правило сложного знака («складывая простые знаки в сложный, складывай их названия») мы складываем: ***ha-mûn, или ***mûn-ha.¹ Значение подсказано картиной «Смерть Быку!» — «Смерть Луне». Переносные значения — «Корова» («не бык»), «Солнце» («не луна»).

Пройдут тысячелетия, но идеология иероглифа сохранится.

Переносные значения размножатся в целое «стадо», но далеко не уйдут от главного. Графема первоначальная ψ уже в той пещере преобразована. Полумесяц превратился в полную Луну (ибо южная форма светила была бы не понята на широте Пиренеев), а копье теперь с «наконечником», лишаящим знак всякой двусмысленности. Иероглиф этот уже рисовочный, он на переходе к рисованному ♀ ♀ ♀.

Значит ли это, что первые символические письма возникли еще раньше? Думается, они появились впервые в краях, приближенных к экватору, где месяц «лодочкой». И пока дошли племена до юга Европы, успели наработать, благодаря письмам, и отношение к числу «три».

Во всех наших культурах можно отметить заметно выделенную функцию тройки. И в этой надписи знак убиваемой луны повторен трижды. Яростное, фанатичное — «Смерть Быку!» Число «три» — знак иероглифического множества. В китайском письме трехкратное повторение иероглифа выражает предельность смысла: «дерево» = «дерево»; два «дерева» = «лес»; три «дерева» = «чаща».

Возможно, в ту эпоху название оружия уже абстрагировалось от первоначального жестко-

го ***ha, преобразовавшись в *'a -*a. Раньше или позже, но возникли формы «*a-mûn», «mûn-a». Допускаю вероятность того, что место служебного слова (форманта) уже влияло на семантику. Зная закономерности развития консонантного корня, мы в состоянии пунктирно проследить путь, скажем, первого из этих гипотетических образований в языках европейско-средиземноморского региона. Не отрицая вероятности иного размещения черты в знаковой комбинации: ψ.

...Воцарившись, «женская религия» постепенно утрачивает категоричность, соглашаясь на компромиссы. В разных средах жестокость образа «смерть быка» смягчается трактовками — «безрогое животное», «не бык» > «корова», «малый рогатый» > «баран», «теленочек»...

Величие барана — его несчастье

В эпоху матриархата, отстаивая мужское начало в знаке солнца, жрец одного из первых диалектов совершает крупное открытие. Вернее — изобретение, которое обогатило грамматику иероглифа новыми механизмами. А языки человечества — новым гласным — «естественным мягким».

Ход рассуждений словотворца логически прост. Если знак Быка назван его самоназванием, то почему не пройти этим путем дальше!

Признали, что иероглиф «не бык» может обозначать не только корову. Но и — «уменьшенный, малый рогатый». А значит, и называть его следует соответственно — не употребляя имен Быка и этого ужасающего копья. Но вслушавшись в самоназвание блеющего рогача.

И самое удивительное оказалось, что консонантизм бараньего слова-речи не отличался от бычьего! Губной согласный (m, b) — вначале и носо-небно-гортанный в исходе (n).

Разность только в огласовке.

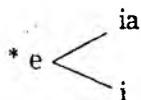
И схема развития в диалектах, естественная, повторила бычью:

ψ *meñ
(*ben) $\left\{ \begin{array}{l} \text{meng, menh, menk (beng, benh, benk)-} \\ \text{meg, meh, mek (beg, beh, bek) - mez, mes (bez,} \\ \text{bes)} \\ \text{me (be-pe-fe-we-e) - в открытосложном} \\ \text{men (ben-pen-fen-wen-en) - в закрытосложном} \\ \text{men-mel-mer (ben-bel-ber) - в закрытосложном}^2 \end{array} \right.$

Кроме того, следует учитывать особенность закономерного развития мягкого гласного — расширение и сужение:

¹ Более полное: ***ha-mun; ha-bun (mun-ha; bun-ha).

² Закон NLR.

II

Не станем сразу рассматривать веер схемы семантического развития, ограничимся только начальным значением.

В 6-диалекте начальный согласный редуцируется, производя закрытосложное название малого рогатого (или напротив — очень крупнорогатого):

*en < $\begin{cases} en-el-er \\ enh \begin{cases} enk-elk-erk \\ eng-egn-egl-egr \text{ (метатеза носового)} \end{cases} \end{cases}$

Производные этой схемы угадываются в el'k — горный баран с крутыми рогами (тюрк.), elh — лось (нем.).

Иероглиф ничем внешне не отличался от знака коровы, и потому в определенных условиях баранье слово становилось именем «жены быка». В тюркских наречиях накопилось немало оригинальных наименований коровы. Среди них выделяется алтайское **enek** (*enk) и происходящее от него **epe** — мать. Полагаю, что тот же письменный знак имело и греческое **genik(a)** — женщина и турецкое **enik** (enek) — вол.

III

Авторство толкования «убитый бык» = «баран» принадлежит жрецам этноса, произносившего носовой согласный перед другим: *menh, но сохранено в языках, опускавших носовой.

Близость к этой форме усматриваем в **mesa**, **mesi** — овца, **mesas** — баран, шкура (др. инд.), **mesa** (санскр.), **maesa**, **maesi** — баран, овца (ср.-перс.).

Когда-то состоявшие в культуре с иранцами угро-финские племена сохраняют **mez** — баран (коми, мари). В диалектах их: **mez**, **miz** — шерсть овцы, козы. Не оттуда ли славянское слово — «мех»?

Изменение знака в Φ , должно быть, подсказало форму бурдюка с переносом на него названия. Только в славянских «мех» имеет и орудийное значение — бурдюк, кузнечный мех, поддувало, пузырь...

Любое колебание в форме знака отражается в семантике названия: $\Psi \Phi$ — *mez, *medz — середина, меж-, межа (в славянских, романских).

IV

Но эти предметные значения возникают позже или в средах, где неизвестна начальная семантика. К древнейшему смысловому пласту относимо все, что сохраняет связь с «быком-оружием» и «бараном».

Попутный вывод

Диалект, в котором «убитый бык» был понят как «баран», ввел второй способ грамматического изменения формы слова — модуляцией качества звуков. С тех пор появились наряду с аффиксальными и умлаутные формы:

$\cup$ - mûn (bûn)

$\cup \Psi$ — 1) mûn + ha (bûn + ha); ha-mûn (ha-bûn).

2) men (ben).

Когда черта стала пониматься как диакритический знак умножения, изменением качества корневого гласного стали создавать мн. число: **man** — мужчина, **men** — мужчины (англ.). Если бы лун в природе было много, то нет никаких сомнений, что в английском появилась бы бинарная оппозиция **moon** — луна, **meen** — луны!

Отрезок времени протоангличане станут обозначать диалектным аналогом названия луны **month** — месяц (период времени). Образованный от него термин мн. числа *menth — так же утрачен. Обнаруживается без носового в аффиксально уменьшенном **mensis** — луна, месяц (лат.), перенятом итальянцами в виде **mese** — месяц (период времени).

Логика развития знака подсказывает первые смыслы мягкого слова — 1) баран, 2) солнце. Этот расчет подтверждается примерами: **mez** — баран (коми, общеперм.), **mes** — баран (ср.перс.) и др.

Иберийцы прочли слово, поясняющее этот иероглиф в Древней Передней Азии. Оно было записано, скорее всего, семитским консонантным письмом: *m-z. Огласовка подчинилась нормам иберийских языков: **amza** — солнце (абх.), **mze** — солнце (груз.), **mez**, **miz** — т.ж. (сван.), **bza** — т.ж. (менгр.).

II

Момент переноса общего названия комплекса на точку (черту) зафиксирован значением тюркских слов **men** (ming) — точка на лице, родинка.

Обладающий этой отметиной от рождения считается счастливецом, которому предначертана великая судьба. К его имени обязательно

прилагается соответствующее определение — Менды-Гали («Али с Родинкой»), Мингли-Ахмет («Али с Родинкой») и т.п.

В диалекте, где носо-небно-гортанный звук не произносится, превращаясь в обычный носовой, произошла и подвижка семантики *men (*ben*) — 1) *Я и позже — 2) я.

Это древнейшее местоимение. Лексема поистине мирового распространения: 1) *men* — я (общетюрк.), 2) *ben* — я (турец.), 3) *en* — я (майя, венгр.), *men* — я (общееуро-фин.), *me* — я (шум., коми), *men — я (слав.). Сохраняется в косвенных падежах: меня, мне, мной...

...Черта с нимбом обозначала Первое Лицо в социуме. Развитие по закону NLR: *men* (*ben*) — *mel* (*bel*) — *mer* (*ber*).

Падение носового: *menh* (*benh*) — *meh* (*beh*).

Следствия этих процессов — в евразийских титульных терминах от *бек* (*бег*) до *мэр* (*нэр*), не минуя более «грамотного» определения детали знака, отрицанием общего названия: *a + *mer* > *амир*, *эмир* и т.д.

Позже родинки было названо число «один». Точка или черта — какой-то из этих знаков осознался как цифра? *ber* — один (тат., баш.), *per* — один (чув.), *bir* — т.ж. (огузо-карл., китч.), *pir* — т.ж. (алт.). Точка-черта обростала значениями, самые поздние из которых — Первое Лицо в обществе, Я, Один...

Все эти определения поначалу имели социально возвышенный статус, освященный древнейшим — Юное Солнце, Солнце-сын, Сын Солнца.

...Открытие «бараньего слова» способствовало появлению сингармонизма. Наиболее последовательно продолжают эту фонетическую традицию тюркские языки. Качество форманта зависит от качества основы. Название служебного знака *ha(*a*) механически преобразуется в *he(*e*), не изменяя значения. После твердых основ в тюркских — *ка*, *га* (*a*): Москва-*га* — «к Москве», «Москве» (каз.), Москва-*a* — т.ж. (тур., азерб.). Сравните: Киев-*ке* — «к Киеву», «Киеву» (каз.), Киев-*e* — т.ж. (тур.). Традиция некогда была присуща и славянам. Сравните *ben* — я; *bene* — мне (тур.), *mān* — я; *mānā* — мне (азерб.). И тот же дательный падеж в русских *мн-е* (*мен-е), *теб-е*...

Показатель дательного падежа «у» (Киев-у) — это, кажется, поздняя диалектная форма огубления первичного *a. Сингармонизм тюркского типа не удержался в славянских языках. Названия стрелы-черты *a = *e > *i приобрели самостоятельные значения и стали употребляться после любых основ. Но, однако, если слово в

именительном падеже оканчивается на «а», то появляется аналог «е»: Москва — Москве.

Живые языки — хранители самых архаичных корней и форматов, применявшихся в языках эпохи Начала. Массированное исследование в этом направлении, убежден, подтвердит наше предположение.

Столь высокая сохранность грамматических материалов — свидетельство высокой степени консерватизма, присущего всем языкам. Это, в свою очередь, объяснимо ранним закреплением основ грамматической системы.

Все языки были созданы в «доистории» в эпоху первоероглифов, когда культуры «примитивных обществ» малого человечества близко соседствовали и особенно не отличались друг от друга. В этих условиях любой цивилизаторский прорыв, любое грамматическое открытие становилось достоянием других, если не всех.

III

«Убитый бык» = «говядина, мясо» = «баран». Это открытие распространилось в индоевропейском культурном союзе: *manzo* — говядина (ит.). Праформа *menz > *mianz подтверждается примерами: *mensa* — мясо (др. прусс.), *mienso* (пол.), *mieso* (серб., хорв.), *meso* (слов., болг.), *miaso* (вост. слав.), *meso* (чеш.).

Искажено до неузнаваемости в *mamsan* — мясо (др. инд.). Синонимический вариант *mas*-, возможно, вместе с буддизмом проникает в монгольский *mah*, *mahan* — мясо. Форма без протетического гласного в финале уцелела в *mis* — мясо (арм.), *mish* (алб.), *mit*, *mith* (герм.).

Преобразование произошло в наречии, в коем бык назывался *munh - *muh* - *muz*, *mus*...

Аффиксальное отрицание *mus-i = *mus-ha ощущается в *mozha* — телка, *mozhos* — теленок (греч.), *mozi* — теленок (арм.), *muso* — 1) *теленка, 2) молодой мул (венц. диал. итальянского), *musa* — т.ж. (ломб. диал.).

В тюркских соответствует *buzaw*, *buzak* — теленок. В кавказских: *buga* — теленок (чеч., дарг.). Далее в тюркских: *buga* — 1) *большой бык, 2) бык. Соответствие: *mussa* — корова (ит.).

Жертва-жратва

...Первым солнцепоклонникам палеолита было что скрывать в горных пещерах. Изображая убийство Черного Быка Ночи, они совершали святотатство. Убивали земное воплощение божественной Луны. Контаминация значений символа ♀ (*ψ) — «убитый Бык» — «Солн-

це» — «Огонь» приводит к обрядовому ритуалу — приношение черного быка в жертву Солнцу-Огню. Материализация знака — 1) бык закалывается острием, прошедшим строго между рогов в загривок, 2) бык наизывается на вертел и зажаривается на большом огне (солнце).

Солнце-Огонь пожирает Быка-Луну, и потомкам солнца должно следовать примеру высшего прародителя — доедать остатки жертвы. Войдя во вкус, стали оставлять себе поюле. Богу доставался только запах жареного, чадный дым, поднимающийся к небесному Духу.

Корова — результат убийства Быка, и по тому казни не подлежала. Как и Баран, по идее. Но ему не повезло. Его как малого Быка тоже стали приносить в жертву солнцу. Не понимая, что, убивая Барана, возрождали Луну. Бессознательная ошибка? Не думаю. Его подвела, полагаю, графическая противопоставленность Корове. В письме Баран — не есть Корова, как и Бык.

Не убивали безрогих (буренка по своему первому иероглифическому паспорту была отнесена к расе комолых, к которой никак не принадлежал круторогий). Но его убивали как быка и ели хлебцы, повторяющие его знак ☉ — баранка. Потом, когда черту подменила точка, стали вместо быка жарить на масле круглые хлебцы, прокалывая их посередке. Создавая вещественный знак Коровы — «коровай», «каравай». (Полагаю и насекомых, подобных знаку Солнца-Коровы «круг с точкой» или «круг с чертой», называли также. Здесь надо искать причинность названий «божья коровка» и «букашка».)

Первые сложные слова

(Подходы к этимологическому словарю «1001 слово»)

Итак, родоначальником первых сложных слов стал первый сложный иероглиф «убитый бык». Называя в той или иной последовательности наименования составляющих элементов, создали комбинации ****ha-mūn (ha-būn)** или *****mūn-ha (*būn-ha)**.

Эти звукосочетания становились именами животных, посвященных солнцу (корова, баран, теленок, кабан, лошадь), а затем и названиями предметов, напоминавших очертаниями священный или утративший святость иероглиф.

До исторических времен одна из этих форм доживает в имени древнеегипетского священ-

ного барана — **Amon**, «несущего солнце в рогах»:

☉ ☽ ☽ ☽ — ****ha-mūn (ha-būn)**.

Сияющая точка в рогах понята как признак божественности, но не отрицания рогов. Однако, первоначально, еще до обретения лучистости, точка была воспринята как «рана», след удара копья и потому названа именем оружия *****ha**.

В среде, где рога толкуются как месяц, точка получает значение — «звезда», и обретает луч, направленный вниз.

☽ ☽ Название сохраняется.

Значения зависят от развитости воображения жрецов. Один увидел — «корова» («не бык») > «самка» > «женщина». Если рога без черты — *****mūn** — «бык» > «самец» > «мужчина». (Сравните германское **man** — мужчина, то с чертой отрицания *****ha-mūn** > **a-mūn, a-mon**... И пока неясная нам метатоника — ***u-man** > **woman** — женщина (англ.).)

В эпоху матриархата — женщина и есть «человек». Не тогда ли возникает романская основа ***uman** — «человек», от которой **humanus** — по-человечески, гуманно (лат.).

Патриархат изменил значение: ***uman (**amun)** — «человек», «мужчина». Механически ли открывается конечный слог **huma** — человек, мужчина (гот.), **homo** — т.ж. (лат.), **womo, uomo** — т.ж. (ит.)? Или таким образом (отрицанием отрицания) добывали антоним: ***uman** — женщина, ***uma** — мужчина? Я склонен считать, что носовой, в данном случае, редуцируется механически в произносительной практике открытосложного диалекта.

Протороманцы умлаутом производят название женщины (***wamun** — мужчина; ***wemin** — женщина). Как иначе объяснить генезис основы слова **femina** — женщина, самка (лат.)?

Англичане этим способом придают мн. число: **women** — женщины. (Устное — «вимен»).

Возможно, при этом прибавляли еще одну черту к иероглифу:

☽ — **woman**; ☽ — **women**.

Славяне только в таком случае увидели бы новый символ, сопряженный с коровьим знаком, — **вымя** (*вумен > *вымен. Или *вимен > вымен).

II

Египтяне изображают «убитые рога» и переверотом: ☽ = ☽. Если черта понята как символ умножения, удвоения, то древнеегипетская цифра ☽ — «десять», обозначает число, вдвое большее, чем возможное ☽ — «пять».

Опрокинутые рога — «не бык» > «корова» > «самка» > «женщина».

В египетском слове **h-m-t** — человек, мужчина. Окончание «-t» — женский род. (Такие несуразности типичны и в славянских: «юноша», «мужчина»).

В египетском первоиероглифическом, я думаю, слово это передавалось опрокинутыми «рогами», перевернутым углом: **𓆎𓆏𓆐**.

Славяне закрепили сей доисторический момент в предмете и названии, которое помогает нам восстановить вокализацию египетского слова, записанного одними согласными: **h-m-t** < ***homut**, ***hamut**. Смыслы иероглифов путались, и потому в языках названия быка и коровы, мужчины и женщины зачастую совпадали. Например, **тисса** — корова (ит.). Устное — «мукка», безусловно, родственно **busa** — бык (тюрк.). Тюркские языки не знали грамматического рода. Как, возможно, и египтяне поначалу. Потому в заимствованном из какого-то переднеазиатского диалекта ***h-m-t** — «женщина-человек», они поначалу не заметили женского окончания. Пока не освоили его и не приняли в свою грамматику.

III

Берем пример из «Краткого этимологического словаря коми языка» В.И. Лыткина и В.И. Гуляева (М., «Наука», 1970 г.). «Кымынь» — «кверху дном», «вверх дном», «ничком». В удмурдском — «кымин» — т.ж. «кымынь» — (южн. диалект), «кымыт» (сред. диалект). Слова этого же корня: кымыньтны — «опрокинуть, перевернуть кверху дном» (коми), кымань — т.ж. (удм.), комадо — ничком (эрзя), комада — т.ж. (мокш.), **kumota** — опрокидывать, **kumossa** — вверх дном (фин.), **gomo** — опрокинутый (саам. N), **kham** — ничком (манс.), **homta** — т.ж. (хант.).

Авторы предполагают прауральскую прформу ***kuma**, связанную с гипотетической индоевропейской ***g-m**. И в доказательство приводят **kamaga** — свод, купол (греч.), **самур** — кривой (лат.). В эту же группу включают тунгусское ***kuma** — «перевернутый», родственное **hobo** — перевернутый (юкагир.). Этой этимологии не достает знака **𓆎** — *****ha-mun (ha-bun)**. И тогда ряд пополняется древнеегипетскими соответствиями. И романски-ми.

IV

Кабан — «вепрь, самец дикой свиньи» (позднее заимствование в восточнославянские языки из тюрко-кипчакских), по-видимому, следу-

ет отнести к пласту древнейших сложных слов.

𓆎 — ***ha-bun**.

Жрец увидел кабана как бы сверху, в плане. Черта-туловище и клыки-бивни. В Африке так бы назвали слона.

В тюркских языках лексема эта стала модельной, по образцу морфологии которой создаются названия других животных (***ha-ban** > ***kab-an**), «булан» — лось; «койан» — заяц; «сазан» — рыба, водящаяся в мутной, илистой воде; «тушкан» — мышь; «жлан», «илан» — змея; «коблан» — барс; «арстан», «арслан» — лев; «кулан» — дикий осел; «варан» — пустынный ящер; «кран» — орел, беркут и т.д. И, наверное, — «баран», от которого «марал» — горный олень.

У каждого из этих слов своя история и свой знак. Некоторые из них поддаются восстановлению, такие как **𓆎𓆎** — **баран, буран**, восходящие к **𓆎 𓆎**. Опрокинутые рога с точкой **𓆎 𓆎** предъявляли свои требования к названию — ***бараан** > ***барахан** > **бархан** — песчаная гора.

...Переворот знака кабана так же не прошел бесследно для словарей тюркских:

𓆎 — ***kăbân (*keben)**.

В кипчакских языках: **kăbân** — стог, скирда, копна (башк., бараб.), **keben** — т.ж. (каз.), **kiban** (тат.). В чувашском мягкость закономерно утрачена: **kaban** — «стог, скирда». Заимствовано в вятский говор русского языка «кабан» — стог, скирда (Даль). Славяне сами в данном эпизоде не используют умлаут, обходятся аффиксальным отрицанием: ***kopan+a** > **копна** — копна.

Когда будем определять этническое авторство тех или иных изобретений, получивших планетарное распространение, наш опыт с копной может вполне поучаствовать в этом процессе.

Кобыла (закон NLR)

Прежде чем продолжить рассмотрение префиксального названия знака «убитый бык» — ***ha-mun (ha-bun)**, мы обязаны восстановить одну фонетическую закономерность — переход носового согласного в плавный.

Еще древние греки обращали внимание на слишком братские отношения губных носовых и плавных согласных. В диалектах они как бы подменяли друг друга. Греки говорили о звуках, входящих в группу **l - m - n - r** как особых.¹

¹ Называли их «жидкие звуки», т.е. имеющие способность перетекать друг в друга. Этот намек стоиков не был понят лингвистами новых времен, иначе бы системность **n > l > r** была бы описана как явление, присущее большинству, если не всем языкам «мало-го человечества».

Регулярность перехода носового согласного в плавный прослеживается во всех языках Евразии. С большей или меньшей интенсивностью. Отчетливо констатируется в древнесемитских примерах: **en** — бог (шум.), **el** — бог (др. сем.), ***ne, no, na** — нет (индоев.), **lo, la** — нет (сем.), ***egn** — баран (и.-е.), ***egl** — баран, теленок (др. сем.), **noten** — имя (индоев.), **lamen** — т.ж. (хетт.).

Проследив действие этой реликтовой закономерности в нескольких языках Евразии, я сформулировал для себя закон NLR — о механическом переходе носового в плавный. Процесс этот требует изучения. Условия перехода не улавливаются. Мы имеем дело только с результатами. Но они позволяют сближать такие, казалось бы, неродственные слова, как славянское местоимение 3 л. ед. ч. — **on** (оно же указывало на дальний объект — «он там», «вон там») и тюрко-кипч. **ol** — он. В косвенных падежах сохраняется **on**. Например: **ol** — «он», «то», **onun** — «его», **onda** — «у него», «там» (каз.). В турецком форма упростилась — **o** — «он», но в косвенном падеже основа двуфонема: **on-un** — «его».

Переход носового в плавный объясняет и природу отличий слав. **d'en'** — день, и алб. **d'el'** — солнце. (Следствием албано-слав. двуязычия могло быть заимствование албанского названия воскресенья **endel'** — «день солнца» славянами, превратившими сложный термин в неделю — воскресенье.)

Схема развития группы согласных, выделенных грамматистами античности в древнегреческих диалектах, характерна была и для других языков Евразии. В более полном виде закон NLR можно представить схемой:

$$N \begin{cases} L - R \\ m - (b - p - f - w) \end{cases}$$

Но более очевидно чередование носовой/плавные. Эта закономерность выявляет родственность консонантизма евразийских названий солнца, занесенных и в Южную Америку: ***k-n** — солнце (тюрк.)², ***k-n** — солнце (майя, инк.)³, ***k-n** — солнце (кит.)⁴, ***k-n** — солнце (и.-е.).

История последней праформы наиболее сложная, поэтому рассмотрим ее не подстраично: ***k-n** > ***s-n** > ***s-l** > ***s-r**. (Здесь и германские ***soon**, романские ***sool**, балтийские ***saul**, индоиранские **suar, huar, hoor**).

Причины различия вокализмов будут объясняться другой сложной закономерностью —

регулярным чередованием индоевропейских долгих дифтонгов, тюркских искусственных мягких, евразийских естественных мягких: **au** = **ua** = **ui**, **aa**, **oo** = **ü**, **ä**, **ö** = **e(i)**. Об этом речь пойдет в других главах.

...Закон NLR проявил себя очень рано, вероятно, еще в «трехзвездочный» период, когда знак рогов (быка) назывался многозвучно:

*** **u v — mün** > **mul, mol, mal; bun** > **bul, bol, bal**.

Разность значений «mul» — длинноухое животное (ром.) и «mal» — скот (тюрк.) может объясняться и знаковой эволюцией — превращением мягкого угла в острый.

Зачеркнув или опрокинув «рога», добавляя к названию имя «оружия» — ***ha-mun** > **hamul** — 1) корова, 2) безрогое животное. (Вариант: ***ha-bun** > ***ha-bul**) — **ψ θ η**.

Произведения этого этапа ни в какой другой среде так не сохранились, как в славянской. Формы лексем и значения дышат подлинной древностью. Особенно восточнославянские примеры: **комонь** — конь, лошадь (др. рус.), **комол** — безрог (рус.), ***кобыл** — конь, лошадь. Ср., **kabalus** — конь (лат.), **kabala** (исп.).

С ослаблением губного возникает итальянская форма — ***koval, kovalo** — лошадь, конь (ит.). Искусственная палатальность плавного смягчает все слово — ***кеваль** > **шеваль** — лошадь, конь (фр.)⁵.

Титулы «кабальеро», «кавалер» и «шевалье» означают «всадник, кавалерист». Еще не так давно обладание конем — признак власти, принадлежности к высшему сословию. Даже в казахской среде XVIII века, где каждый с детства — в седле, продолжала властвовать каста «аткаминер» — «всадники».

II

...Какими были варианты иероглифического знака безрогого животного? Полагаю, на один из ответов намекает франко-славянское слово **coupole** — «купол» (фр.). Опрокинутые рога? Фонетическое развитие: **kamaga** — свод, купол (греч.), **camur** — кривой (лат.).

С этим решением согласуется и семитское название верблюда — ***kamal** — смягчившееся под влиянием палатального плавного. Они увидели горб. **Kamelus** — верблюд (лат.). Контаминация значений «безрогое» + «горбатое».

Возможно, и название горы «джебель» (араб.) следует рассматривать в связи с этим знаком,

² **kun, kon, gun.**

³ **kip (майя).**

⁴ **kon (инк.).**

⁵ Механическое развитие корневого ***a** > **e** в лексемах, содержащих палатальный плавный, констатируется во множестве других примеров, не только из французского словаря.

который дошел до буквенных письменностей в виде $\wedge$ — *gimel* — верблюд (финк.), *gamma* (греч.).

Славяне познакомились с остроугольными вариантами «финикийского» знака, истолковав их предметно, что выразилось в семантике слов, произошедших от названия семитских иероглифов: «гибель» — погибель, гиб. И диалектный — «губить», т.е. согнуть. Знак в положении $\triangleright$ дал значение «губы».

III

Соответствие в протолатинском: $\psi = \mu$ — **ha-mur > *a-mur*.

Перевернутый стал обозначать «шатер», «жилище», «пещера» (вход в пещеру): *camara*, *camera* — свод, сводчатый потолок (лат.), *camera* — комната (ит.). Русское заимствование — «камора», «каморка».

Знак «зачеркнутые рога (месяц)» истолковывался как скрещение противоположностей — мужского и женского начал: *amur* — «любовь».

Но прежде — «теленка» $\triangleright$ «детеныш» $\triangleright$ «дитя». Контаминация диалектных смыслов «дитя с луком и стрелой, направленной сверху вниз» — символ любви. Амур всегда изображался на потолке. Чтобы поддержать его в возвышенном положении, оснащают крылышками.

IV

Шумеры видели этот знак и осваивали его вместе с названием. По закону шумерской гармонии гласных, в слове могут быть гласные только одного типа. Вокализм выстраивается по первому гласному: **a-mur > *a-mar* — теленок, детеныш (шум.).

Не знаю, из какого языка пришло в международный лексикон слово *umar* — «краб», но то, что оно когда-то было названием знака ψ , вполне допустимо. Толкование «крылатое с жалом» оправдывает появление славянского *комар*. Сексуальный мотив: *kumar* — страсть (тюрк.). Поворот знака вызывает умлаутную реакцию: $\leftarrow$ *kumar* — крокодил (бенг.).

Тюрки, изменяя качество звука, нарекали черту в знаке ϕ — *ömir, ümir* — жизнь (каз., тат.).

Помните «иглу кощееву» в русских сказках? Иван-богатырь узнает, как погубить Коцея Бесмертного. Его жизнь — это игла в яйце утином, а утка в море. Достань иглу, сломай и — конец злыдню. Иван, как я догадываюсь, должен был вынуть из круга черту *ömir (ümer)*.

Сами славяне видели в ней символ смерти, оружие: «умер». Мотив «оружие = жизнь» один из самых архаичных. Отголосок *tig* — 1) «стрела», 2) «жизнь» (шум.). Охотник, добывая зверя, добывал себе жизнь.

Иранцы переносят название иглы на весь знак, символизирующий власть, — булава, скипетр: *amir* — эмир, царь.

...В древнесемитском префикс перемещается в финал: *mar-a* — теленок, детеныш (аккад.).

Тюрки и иранцы в этот период получают иные значения: 1) баран, 2) детеныш. Скрещение: «детеныш барана». Итого: *mar-ka* — ягненок годовалый (каз.), *bar-a* — 1) баран, 2) ягненок (др. иран.).

...Иероглиф «луна с точкой» называется так же, но толкования уходят в сторону.

☉ — 1) *mar-'a*, 2) *bar-'a > par-'a*.

В германском обществе создают идол солнца — сверкающий металлический диск с отверстием. Впоследствии эта духовная ценность обретает товарную: *marka* — «монета, денежная единица». В турецком: *para* — монета, деньги⁶.

По образу знака создают одежду жреца-солнцепоклонника: *parka* — накидка типа пончо. Первоначально, вероятно, это золотой диск с отверстием для головы. Чтобы Солнце сверху видело свой знак на спине Солнца. Золотая парка!

Точка превращается в кружок:

◎ — **bara > barann, > baranh > baran, barah*.

Ритуальный хлеб — баранка.

...Восстанавливается еще одна морфологическая схема: на предмет, созданный по подобию графического или природного знака, переносится его название в уменьшительной форме. В славянском, тюркском, латинском множество наименований предметов и явлений созданы по этой модели. В русском, например: $\vee$ — *voron*. Предмет — *voron-ka*. $\smile$ — *lun (a)*. Предмет — *lun-ka* и т.д. В тюркском: **a > *a'* — ак — суффикс уменьшительности. $\smile$ — *ai* — луна, месяц. Предмет — *aiak* — 1) чаша, 2) нога (след копыта, ступни), 3) ложка, 4) лодка.

V

Нельзя обойти шумерское слово *bara* — святилище. Оно дошло до нас, вероятно, в слове *barak* — «некое строение общественного предназначения». Но если шумеры созидали свои святилища по знаку солнца ☉ **bar-a*, тогда — это план ступенчатой пирамиды. С точки зрения Бога, именно так должно выглядеть храмо-

⁶ Не так ли произошло умлаутное наименование английской монеты *penn*, родственное названиям барана и мяса?

вое здание. С точки зрения человека, ступенчатая пирамида изображалась профилно, но называлась иначе: **es** — «дом», **ab** — дверь.

Древняя Передняя Азия — родина этого архитектурного стиля. Хотя и в Египте встречались ступенчатые пирамиды, но, скорее всего, идея была занесена из Шумера. Отсюда унесли эту архитектуру предки майя и ацтеков в Южную Америку.

VI

⊙ — ***por-’a** — 1) свинья (*пяточок свиньи). Сравните: **porca** — свищья (ит.). Методом «отрицания отрицания» производится ***porh** — 1) «точка», мелочь. Прох, прах, порох, порошок (слав.). 2) Свин, кабан > свинья. (В англ. **pork** — свинья. В слав. ***poros** > «пороз» — кабан; «поросенок» — кабаненок.)

Свинья тоже оказалась в составе священных животных. Поэтому ее приручили. И по очередной ошибке стали приносить в жертву, превращая в жратву.

Иберийско-кавказское солнце

Какие из названий солнца, прозвучавших на земле, самые древние, «трехзвездочные»

⊙ ⊙ / Ψ φ / ⊙ ⊕ — аффиксальные:
1) *****mũn-ha** (**hũn-ha**),
2) **ha-mũn**, **ha-bũn**,
— умлаутное:
1) *****men**, (**ben**).

В каких-то языках производные их названий солнца должны были сохраниться в первичном значении. Сопутствующие смыслы («кабан», «комонь», «комол», «кабал(ус)», «кавалло», «камал», «марка», «молко-молоко» и др.) оказались более прочными.

В подавляющем большинстве языков названия основных светил (луны и солнца) неоднократно обновлялись. Почти во всех.

В иберийско-кавказских мы найдем отголоски первых имен солнца. Умлаутный («бараний») вариант, как уже говорилось, отложился в иберийских (****meng** > ****menz** > ***mez** > ***m-z**): **amza** — солнце (абх.), **mze** (груз.), **mez**, **miž** (сван.), **bza** (менгр.). Ближайшие родственники иберийскому солнцу: **mez** — баран (коми), **miž** (мар.), **mēš** — овца (ср.перс.) и др.

...Иберийцы использовали общее название сложного знака. Нахские грамматисты увидели солнце в сияющей точке и, оперируя аффиксальным вариантом названия, переразло-

жили его, выделив более привычный в то время аффикс отрицания: *****mũn-ha** > *****manha** > ****malha** > ****malh-a**.

И называют сиятельную точку по закону отрицания отрицания, создавая антилог общему названию: **malh** — солнце (чеч.), **marh** (акин.-чеч.).

...Это, вероятно, произошло в ДПА, где протонахские народы взаимодействовали с древнесемитскими. Изобретение нахских грамматистов становится достоянием семитской среды. Точка в то время превращается в «луч»:

φ — ***malh**.

Луч толкуется как — «дитя солнца». Название черты-луча создается умлаутом: ***mäl’k** (**mel’k**). Сравните распространенное в языках Ближнего Востока с древних пор титульное **mäl’k**, **mälik** — царь, князь.

Красное кольцо и белая палка станут божественными и царскими атрибутами. Их держат и вавилонская богиня Иштар, и верховный бог Мардук, и ассирийские цари.

Символы божественной власти превратятся в Булаву, Скипетр, Косу, спускающуюся с выбритого темени (оселедец). Круг превратится в ореол, Нимб над головой господ-господина, Венец римских императоров, Тюрбан, Чалму, Папаху... Этими овеществленными метафорами отличали Детей солнца — верховных жрецов, старейшин, правителей — Первого Лица племени, а затем — любого «я».

Деталь знака называлась или отрицанием отрицания: ***malha** > ***malh**, или добавлением нового суффикса отрицания: ****malha** > ****malha-i**.

Так протомонголы называли «нимб»: **malhai** — шапка, малахай (монг.).

В тюркских языках меховая шапка — **börik**, **peğük** (связано с ***melik**, ***belik**). И, возможно, в гунское время занесено в Европу, где так называли своеобразный головной убор из чужих волос — **parik**, **peğuk**. (Отсюда названы мастера и мастерские по изготовлению париков — парикмастер — парикмахер. Украинское — перукарня, по аналогии с — пекарня, слесарня, свиарня, овчарня.)

Почему появился такой промысел? Причина может быть банальной: не у каждого сына солнца своих волос хватало на обязательный «ореол»: Использовали заменители из чужих волос, из меха тотемных животных. В Северной Евразии название париков разложилось; из них получены «обратным ходом» наименования тотемных зверей — **ber** — медведь (из ***berk**), **böris**, **böri** — волк (тюрк.), **borz** — волк (чеч., инг.). Недалеко иранское **bars**

— пятнистый хищник (уменьшительное **barsyk** — в тюркском).

И какой-то пушной зверь славянами назывался ***meh** (****menh**). Потом его имя перешло на материал, из которого изготавливали шапки-нимбы.

Возвращаемся к началу темы

Знак с упомянутым типом названия разошелся по многим культурам и был унесен в разные края Евразии. Жрецы толковали его, опираясь, подчас, на местные реалии.

ψ — ***mor-th**

Северяне, обитавшие на берегу Ледовитого океана, увидели аналогию с могучим морским зверем, обладающим клыками-бивнями: **morsa** — морж (саам.). Отсюда **morse** — т.ж. (англ., фр.) и моржа, морж (др. рус., рус.).

VI

ψ — **mar-'a** > **mar-ca** > **mar-sha**.

Какую-то из деталей знака называли ***mar-sh** > **mar-th**. Ирано-угро-финны так нарекли рога, почему ***marth** > **mart**, **mard** — мужчина. Сравните: **mort** — человек, мужчина (коми), **murt** — т.ж. (удм.). «*Это же слово в самоназвании удмуртов: ud-murd, ud-mort; в самоназвании коми: komi-mort*» (В. Лыткин, Е. Гуляев. Указ. соч.). Сюда же по праву добавляем — **mord-va**. Авторы словаря считают корневое слово устным заимствованием из иранских языков: **mard** — мужчина (нов.-перс.), **mart** — т.ж. (ср. перс.), **marta** — человек (др. инд.). И связывают с **martas** — смертный (др. инд.), **mjrjto** — т.ж. (авест.).

Но так, вероятно, называли черту, олицетворяющую оружие: умлаутно **mert** — смерть (каз.).

Тюрки изображали на лице знак рогов: **murt**, **burd** — «усы». Это — отличительный символ мужчины.

Древнеевропейцы перенесли внимание на черту: φ — ***burda** > **borda**, **brada**, **boroda**. (слав.). Такая узкая бородка, заплетенная в косичку, украшает лики египетских фараонов...

Чередование *i/d,t* (могло быть и обратным *d,t/i*) позволяет к этому кругу приблизить угро-финский этноним **mar** — мариец (= ***mart**) и иберийско-кавказские: **kmari** — муж (груз.), **mare** — человек (авар.), **maira** — муж (чеч.), **mar** — муж (инг., бац., аккин.-чеч.). Возможно, из ***mār**.

Название черты — *i/d,t* — могло располагаться как вне консонантной структуры, так и внутри ее. И придавать долготу основному гласному.

VII

ψ — ***marth** — 1) «рога и стимул» — **марш!**
2) планета **Марс**, бог войны.

3) «1-й месяц» — **март**. (Год начинался с весеннего месяца. Поэтому в латинском сентябрь — 7-й, октябрь — 8, ноябрь — 9, декабрь — 10-й.)

VIII

Восстанавливаются правила иероглифической грамматики:

ψ — ***ko-mol** — 1) безрогий, 2) *вымя. Имя черты образуется искусственным слоговым палиндромом — перестановкой служебного слова: ***mol-ko**.

Оба слова уцелели в восточно-славянских: **комол** — безрог; ***молко** — праформа полногласного «молоко».

Знак распространяется в западнославянских под общим названием ***molko**. Теперь деталь называют умлаутом — ***melko** > ***mleko**. Обе формы участвуют в слове: 1) **melko** — самое малое число или частица массы, 2) **mleko** — молоко.

В германских: **milk** — молоко.

IX

В 6-Диалекте получает развитие тот же знак:

φ — **bul-a** < **bul-va**
bul-ha

Булава, булавка. И клубневый овощ — **бульба** (укр.)².

Наряду с продырявленным хлебцем — булака. И названием черты — **палка**.

Тюрки заимствуют слово как общее название всего комплекса: **balka**, **balga** — «молот». Семиты создают по образу и подобию знака двусторонний топор: **pilakku** — топор, **pulluku** — рубить топором (др. сем.), **pelka** — топор (сир.), **pilka** — топор (манд.), **falaka** — раскалывать (араб.). Эти орудия были символами власти — как скипетр и булава.

X

И, завершая предварительный обзор, делаем вывод, что первые сложные слова малого человечества имели постграмматический строй: «главное слово + служебное» > «корень + суффикс».

² Как вариант того же иероглифа под названием ***mog-ha** породил ассоциацию с другими клубневыми: морковь, бурак.

Об этом говорят архидревние лексемы с первичными значениями:

⊙ ψ — ***mūn-ha (*būn-ha*) > **mul-ha (*bul-ha*)

«Итальянский рефлекс» — *muhha, *мисса* (*bunha*, *бисса*). Итальянцы получают слово с «правильной» семантикой: *мисса* — корова.

Тюрки поняли черту как возвеличитель рогов — *busa* — «большой» бык. В кавказских языках — более раннее значение *buha*, *buga* — теленок (чеч., дарг.)

Протолатины уже называют черту уменьшительным словом-суффиксом *-ul*: *bucul* (*us*) — теленок, бычок; *bucul(a)* — телка. Рого-бык в европейских *buk (*muk*) *bus (*mus*). Сравните, *bus* — бык (греч.), *buk > *byk* (слав.). Хотя «мык» (*muk) слышится в корне слова «мычание».

Славяне близко к сердцу приняли «убийство быка», — придав названию романской коровы эмоциональное значение «*мўка*».

К итогам главы

1. Анализ слов приведенного ряда позволяет восстановить несколько грамматических и фонетических закономерностей. Главные из которых: 1) складывающая простые знаки, складывай их названия; 2) служебное слово (название копья) может располагаться перед основным (названием рогов-месяца) или после; 3) искусственное изменение места форманта имеет грамматическое значение — создает своего рода антоним; 4) деталь сложного знака называли, также изменяя общее название умлаутом; 5) к механической эволюции фонем можно отнести переход носового согласного в плавный (NLR); 6) на предмет, созданный по форме знака или природного объекта, переносится общее название с уменьшительным суффиксом: луна-луника, ворон-воронка, баран-баранка...; 7) начальная фонема «т» лучше сохраняется, чем звонкий губной, эволюционирующий до нуля.

Так ***būn выступает в формах *pin - *fun* - *wun* - *un*. И, попадая в открытосложные среды, утрачивает конечный согласный — «*u*», обретая гортанный протез, открывающий слог — *hūn* > *hu*.

Эта схема иллюстрируется примером: ⊙ — *por-a* — 1) * солнечные часы в плане, 2) время. Сравните *pora* — время (слав.), *ora* — час (ит., исп.), *hora* — время, час (лат.). И предметное: *pora* — точка в коже (нем.).

Отрицающий аффикс «-а» в одном случае заменяется «местным» отрицанием «-n» *hor-a = *hor-n. В греческом: *Hron(os)* — 1) время, 2) бог времени.

В протоанглийском иной грамматический строй — «служебное слово + основное»: *a-or > *hour* — час (устное — «аур»).

2. ...Знание правила «зачеркнутое = опрокинутое» и закономерной редукции звонкого губного в начале слова помогает разобраться в судьбе таких интересных омонимов, как *arca* — свод, арка (греч.), *arca* — 1) ковчег, 2) закрытый ящик, ларь (лат.). Некогда, вероятно, было и «греческое» значение, но его разместили в форме муж. рода: *arcus* — 1) арка, свод, 2) лук, 3) дуга, излучина, извив (лат.). Этимология возможна только при восстановлении графем:

⊙ η — **bar-'a* > *burca* ..... > *arca*.

«Зачеркнутый месяц» подсказал идею судна с палубой. Поначалу полностью закрытого, непотопляемого баркаса, барки.

Восстановлению первоероглифа помогают его явственные отпечатки в значениях слов. Особенно в названиях предметов, созданных по образу знака.

...Так, названия ночного светила из двух основных диалектов языка эпохи Начала дошли до нового времени: 1) *mūn — *moon*, *month* (англ.), *mūh*, *moh* (иран.), 2) *bun - *un - *u* — луна, месяц (майа). В б-Диалекте простой знак получает однофонемное наименование. Появляются однофонемные слова. Сложные лексемы становятся дву- трехзвучными. Но знаки — те же. И главные значения не изменились. Однако, названия их короче. Даже по размерам слова можно понять кто, например, корову наименовал в ранние эпохи, а кто позже. В эпоху однофонемного названия «угларогов» — «*u*», появились индоевропейские *au, *ha-u — «корова» и тюркские *ui*, *ud*, *ut* — «корова».

Относительно датировать время возникновения сложных слов нового времени можно с опорой на шумерские примеры: *ab* — корова (*a-u), *ud* — солнце, *gud* — бык (*ud — корова). То есть — не позже IV тысячелетия до н.э.

Великие ошибки

(Сложные слова нового времени)

⊙ υ ν — *u* (ο) — «южный месяц» (в виде букв иероглифы дошли до греческого и латинского алфавитов).

Долгие создаются чертой, удвоением и перерывом. В классическом греческом η η — «ο-мега» («ο-долгий»), в византийско-греческом ω — «ο-мега». Для того, чтобы упростить процесс письма, звук «ο-микрон» («ο-краткий») стали выражать «полной луной». Северный вариант принесен шумерами в Древнюю Пере-

днюю Азию, возможно, с Иранского нагорья.

- > u — «десять» (шум.)
- > u — буква в авестийском алфавите
- > u (o) — буква в др. тюрк. алфавите.

В авестийском алфавите знаки для долгих гласных образуются буквальным удвоением (ш - «а», шш - «аа») и чертой вниз от основного знака (> - u, >> - uu). Переворот не применяется.

Знаки-предшественники включены в финикийский:

- ψ φ — kof (*a-u)
- Υ — wau (*a-u)
- ϰ — kaf (*a-u)

В латинском kof превратилось в φ - kv, в готском этим буквам соответствует знак с точкой: Ⓞ - kv.

В разновидностях протоиндоевропейского письма, откуда эти знаки коровы, возможно, служившие племенными гербами, попали в финикийский алфавит, черта отрицания читалась **ka / a / wa. Образованный дифтонг *a-u закономерно развивался в долгие *oo или *uu. Заметив это, грамматисты стали употреблять черту в качестве диакритического знака долготы.

Название знака «убитые рога» стали словами с определенным значением. В индоевропейских: gau — корова (др. инд.), kov — корова (арм., англ.) и др. Повышенный интерес должны вызвать ab — корова (шум.), kw — корова (др. егип.).

В письменностях, применявших название черты *i / d, образовались звуко сочетания *i-u. *u-i. Возможно, один из аналогов этих знаков в тюркских средах помог произойти словам ui — корова (др. уйг., кирг.), ud, ut — корова (др. тюрк., алт.).

...Никто из палеографов не удосужился сослаться на одном листе бумаги графемы «угол» из южноевропейских и восточных письменностей. Отличаются они положением в пространстве, так же как месяц приэкваториальный (лодочкой) от месяца из более высоких широт.

Одинаковое их название может свидетельствовать о сильнейшем влиянии разновидности первописма, подобной письму майя. Автором этого названия иероглифа был жрец этноса, в языке которого слово «u» — означало: 1) месяц, луна, 2) пять (след ноги). Культура У явилась прародительницей буквенного письма: ее знаки с однофонемными названиями вполне могли натолкнуть грамматистов на алфавитный принцип «один знак — один звук».

...От омонимичности избавлялись благодаря диалектным формам. В языке майя за пер-

вичным звуком-словом сохранилось первичное значение (u — луна, месяц), диалектный, открытосложный вариант названия, вероятно, схожего иероглифа закрепил второе (ho — пять).

Знак в качестве цифры распространился по всему доисторическому миру. На Западе мы находим ее в римском письме — v. Но числительным название цифры u не стало, что может свидетельствовать о позднем заимствовании.

На Востоке не сохраняется цифра, но ее наименование закрепилось в числительном: u — пять (кит), o — пять (кор.), go — пять (япон.).

Шумерское числительное позволяет относительно датировать появление однофонемного названия простого иероглифа: > u — «десять» (III тысячелетие до н.э.). В шумерском письме уцелел знак и название, но значение иное, чем в западных и восточных культурах. Как раз и пытаюсь выяснить причину, мы вышли на еще один простой иероглиф с однофонемным названием. В сущности, он нам уже был знаком. Это «копье» — вертикальная черта ***ha, которая в закрытосложных диалектах очищалась от «протеза» — **a.

Неразлучность угла и черты наводила на мысль, что эти иероглифы использовались и как **первые основные цифры — пятерка и единица**. Да, пятерка, а не десятка, несмотря на то, что шумерская культура, по всем данным — древнее китайской и тем более римской. Один из многочисленных парадоксов истории: языки, считающиеся поздними образованиями, сохраняют в живом виде слова, формы и значения которых оказываются древнее лексем мертвых, «ископаемых» языков, найденных в глиняных таблицах и папирусах.

II

Предки китайцев, наверное, расстались с шумерами достаточно давно. Когда черта i еще обозначала единицу, а угол u — пятерку в общем письме. Названия знаков превратились в числительные, и по сегодня звучащие в китайском языке: i — один, u — пять. (При этом, единицей все еще служит черта, хотя уже горизонтальная: — = ≡. Угол-пятерка заменяется натуралистической цифрой из пяти штрихов.) Пятиричное исчисление предшествовало десятиричному, потому что было подсказано природой. На конечностях по пять пальцев. Человечество до сих пор не отказалось от счета на пальцах. На палочках. А в письме кое-где и сейчас считают черточка-

ми. Для изображения первого группового числа (пяти) приспособляют знак месяца-рогов, напоминающий след копыта, ступни. Остроугольный вариант получает близкое истолкование «согнутая в локте рука» >, тоже — «пять».

...Китайцы при переходе на десятиричное исчисление («две руки» или «две ноги») вводят третью основную цифру + — «десять».

Шумерские жрецы пошли по другому пути. Они обходятся имеющимися двумя цифрами, **передвигают значение каждой на порядок**. И названия их становятся новыми числительными: **i** — пять; **u** — десять (шум.).

Эта передвижка вызвала в протошумерской культуре смятение. Как теперь обозначить число «один», если черта стала пятеркой? Диалекты предлагают свои решения. Ни в одном известном нам языке одновременно не значатся сразу три названия одного и того же числа. Только в шумерских текстах — **as** — один, **dil** — один, **des** — один.

Они могли быть названиями точки или вертикальной черты. Побеждает последняя. Она вытесняет и пятерку (горизонтальную черту), заменяя ее натуралистической цифрой: **III** — «i» — пять. И все другие цифры до десяти также состоят из аналитично выстроенных единиц.

III

Мы можем предположить график развития мировой цифриной системы:

I - i - один, единица	} неолит, приэкваториальная зона
V - u - пять, пятерка	
— - i один, единица	} шумеро-китай., северная зона
> - u - пять, пятерка	

Поворот месяца на небе вызвал соответствующую поправку в письме. Вместе с углом на 90° изменяется положение и черта. В шумерском письме многие, даже рисовочные иероглифы изображаются повернуто на 90°. Объяснение такой аномалии палеографы найти не могут. Оно и невозможно было без выяснения истории «угла-месяца».

Шумеры пришли в Древнюю Переднюю Азию с севера. Или какой-то культурно активный этнос заставил шумеров переориентировать южные знаки «по-северному».

IV

Я заметил еще одну важную, на мой взгляд, особенность в поведении знаков. Иероглиф «угол»

в положении южного и северного юного полу-месяца отвечают за смыслы «луна-месяц» и «бык».

Грамматисты признавали тождественность графем $\cup \vee$ и $\rangle \rangle$ — **u** — «луна», «бык».

Любые другие позиции выражали антипонятия:

$\cap \wedge$ или $\ll$ — «не луна», «не бык».

Следовательно, и названия, и числовые значения должны были изменяться. Об этом рассказывает др. египетская цифра **n** — «десять», противоположная мировой пятерке; да и греческая буква для удвоенного гласного: ***oo** — «o», **oo** — «oo».

...Ошибка № 5

Жрецы какого-то индоевропейского племени в какой-то период «забыли» это правило. Знак «луны-пяти» в любом положении для них будет символизировать число «пять»: $\cap$ — penta — пять (др. греч.).

В этрусском обнаруживается $\wedge$ — «пятерка» (название неизвестно, равно как и числительное). Эта ошибочная цифра получает популярность в древнем мире. В китайский цифровой ряд принята сложная цифра **liu** — шесть (5 + 1). В числе казахских гербовых знаков я нахожу герб племени **Altyn**: $\wedge \bar{\wedge}$.

Уверенно предполагаю, что знак этот некогда назывался **alty** — шесть (каз.). Переход имени герба в самоназвание племени — явление регулярное. Этнонимы многих казахских племен происходят от наименования гербового знака. Тюркский герб по праву может занять свое место в ряду мировых шестерок.

Но и эта цифра «генетически» ошибочная. ...Мы имеем возможность проследить другое направление истории цифры «угол». Вернемся к своим «быкам» и «баранам».

$\cup \vee$ - *****mũn** > munh < $\begin{cases} \text{muns - munth} \\ \text{muh - mus - muth} \end{cases}$

Сходная схема развития названия «рогов-месяца» в б-Диалекте:

*****pũn** > punh < $\begin{cases} \text{puns - punth} \\ \text{puh - pus - puth} \end{cases}$

Когда знак ассоциируется со следом копыта (ступни), появляется числовое значение — «пять» и лексическое — «нога». (В эпоху «дограмматическую» слово, вероятно, было еще глаголом-именем. Знак «нога» обозначал и понятия «ступай», «шагай», «наступай».)

В этой связи хорошо бы рассмотреть в одном поле **foot** — нога (англ.), **but** — нога (кирг., гагауз.), **but** — промежность (каз.), **ot** — след (арам.). В тюркских кроме этого констатируется странный омоним: **bas, pas** — голова; (*рога), **bas, pas** — ступай, наступай, дави, отпечатавай, (*пята).

Недостающие семантические звенья отыскиваются в индоевропейских: **pa, pah, pad** — нога (индоиран.), **pas** — ступай, иди, шагай (роман.), **pah** — промежность (слав.). Даже в жестовом «распахнуть», «вз-мах» фиксирован знак **∨**. Даже «аромат» промежности — «пах», «пахнуть», «запах».

Вмешивается забытое значение «рога» и слово станет выражать высшую точку тела: «рога» > «голова».

Горизонтальная черта (или точка) создает иной образ. При этом название изменяют умлаутом: **♣ ∨** — «лик», «лицо»¹. (Появляется линия рта и усов.) Ср.: **bet, pet** — лицо (общетюрк.). Европейские «фейс», «фас» — вероятно, такого же происхождения: **face** — лицо (англ.) Аффиксальное.

Но мы помним и о правиле переворота:

♣ ∨ ∩ ∆ — 1) *menh < mens - menth
meh - mes - meth

2) *benh < bens - benth
beh - bes - beth - bet, pet.

Тюрки получают цифру и числительное *mes (pes) — десять. Сохраняется в сложных числительных: **jitmeš** — 70 (тат.), **jitmiš** т.ж. (огузо-карл.). При **jite, jeti** — 7. В казахском **zeti** — 7, **žetpis** — 70.

Оказавшись в положении суффикса, служебное числительное подчиняет свое качество (по закону тюркского сингармонизма) качеству звуков корня: **altu** — 6 (общетюрк.), **altmys** — 60 (огузо-карл.), **alpyš** — 60 (каз.). В окончаниях угро-финских десятков отмечается системное окончание — **mys**.

...Проблемы, возникшие при переходе от пятиричного исчисления к десятиричному, заставляли тюрков и индоевропейцев искать новые графические и лексические средства для выражения чисел «один», «пять», «десять».

Славяне, кажется, ошиблись первыми:

∩ ∆ — *penth — 5; *pench — пять (пол.), **pet'** (словен.), **pet** (болг.), **piat'** (укр., рус.), **piac'** (блр.).

Романцы избирают близкое лексическое

значение: **pes** — нога (лат.), **piede** — нога (ит.).

Протоиндийцы открывают конечный слог: *penche. В досанскритский период происходит передвижка качества гласного e > a: **pancha** — пять (др. инд.).

Греки открывают конечный слог фонемой заднего ряда: **∩ penta** — «пять» (др. греч.).

Этот этап ознаменовывается появлением славянского слова **пята** (*penta).

Тюрки в тот период заимствуют славянское числительное: **pesh, besh** — пять (общетюрк.). (У германских и романских числительных с этим значением особая история, связанная с буквенными способами передачи слов. Словари и палеография представляют уникальные возможности для восстановления генезиса названия числа «пять» в индоевропейских и тюркских языках и даже позволяют определить приблизительные даты с допуском ошибки в два-три века.)

...Грамматисты индоевропейского племени переворачивают знак в положение месяца — луны, присваивают ему соответствующее значение. Так умлаутная форма *menh — *mens (*meh, *mes) обогащается аффиксом отрицания.

Антоним тиражируется: **mensis** — месяц, луна (лат.), **menins** — луна (др.-пр.), **mensis, menuo** — «месяц, луна» (лит.), **menesis** (лат.), **mene** (тохар. В), **mena** — луна (гот.), **mis** — месяца, **mi** — месяц (ирл.), **amis** (арм.).

Славяне заимствуют латинскую форму: **mensis** > *mesis > mesec > mesiac.

В индоиранской среде — e > a: **masas** — месяц, луна (др. инд.), **mah** — т.ж. (др. перс.), **ma** — т.ж. (авест.)². В греческом **meis** — месяц (ион.). Предполагают праформу *mens (Фасмер).

...В протобуквенном письме произошло переразложение названия пятерки: **∩ — penta** > **p-enta** > **p-eta**. Появляется суффикс буквенных названий, который участвует в наименованиях греческих букв: delta (*deleta), dzeta (*dzeta), theta (*th-eta), feta, fita (*f-eta), iota (*i-eta), eta (e-eta)...

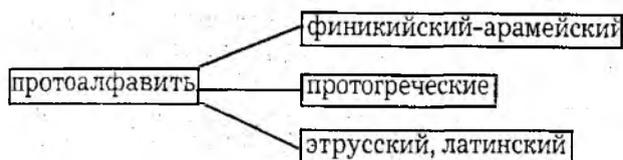
Работали жрецы этноса, язык которого не признавал носового согласного перед другим. И первой буквой в том праалфавите (коим пользовались и финикийцы, и греки), вероятно, была пятерка — **pent(a)** — **pet**. Названия семитских букв содержат суффикс **-et** без конечного гласного, появившегося на греческой почве (**bet, dalet, lammed, iot, het...**)

¹ Сравните **♣** — kou — рот (др. кит.). Грамматист увидел нижнюю часть лица с линией рта.

² Индоиранские названия ночного светила могли происходить от заднерядного *miph > *muns > *mus независимо от европейской мягкой формы.

Древнегреческие историки, увидев сходство своих букв и названий с финикийскими, сочинили легенду о финикийце 'Adm (Kadm), принесшем алфавит в Элладу. На ней зиждется научная версия о происхождении южноевропейских буквенных систем: финикийское > греческое > этрусское > латинское...

...Данные палеографии и словарей заставляют предположить более сложную последовательность распространения буквенных систем. Конечный этап перехода от первоиероглифического письма к буквенному можно представить в таком схематическом виде:

При этом новые письменности на первых порах тесно взаимодействовали между собой.

Итак — итоги

Генезис числительного «пять» определяется выявлением двух направлений развития названий знака «угол». Группа культур (условно назовем — «восточная»), в которую вошли протошумерская, майя, китае-корее-японская, оперировала однофонемным названием этого знака-цифры (*u). «Западная группа» (индоевропейцы), заимствовав прототюркское название знака десяти (*mens, mes = pens, pes), ошибочно придала ему значение «пять». Чем воспользовались и новые поколения тюрков.

Копье — орало — тимул — i (*a)

Славяне знают название знака «южный месяц-рога»

∪ √ — pah (pas) = mah (mas)

При слиянии племен диалектные знаки встречаются в объединенной культуре, где выступают в разных значениях

∪ — pah (pas) — *рога, скот.

√ — pah (pas) — *рытвина, искусственная лунка, образуемая острым суком (сохой) при тычковом земледелии; крылья...

С добавлением черты i образуются сложные слова:

ψ — *pah-i (pas-i) — «рога и острый тимул».

Υ — *pah-i (pas-i) — «лунка и острие (соха)». В тот период славянские жрецы-грамматисты

получают способ создания первичного глагола, каким стал императив (повелительное наклонение). Происхождение черты (копье > стимул > тычковая соха) определило характер и функцию детерминатива — побуждение, стимулирование, насилие.

Без этих знаков никогда не понять, почему так близки формально и так далеки содержательно русские глаголы «паци» и «паши».

II

...В культурах, где продолжается традиция черты ***ha (a), эти же знаковые конструкции называются *pah-ha (pas-ha).

В казахском суффикс «-а» выступает в нескольких функциях: 1) глагол повелительного наклонения (кан — «кровь», кана — «кровоточи», сан — «счет», сана — «считай»), 2) деепричастие н. в. (бар — «иди», бара — «идя»; бас — «наступи, ступай», баса — «наступая», «ступая»), 3) окончание существительного им. п. (бака — «лягушка», бука — «бык»), 4) окончание направительно-дательного падежа (Москва-га — «к Москве», «в Москву», «Москве»). В турецком: Moskva-a — т.ж.

Полагаю, что земноводных пресмыкающихся типа крабов тюрки называли *pah-a из-за схожести на знак. В бесписьменный период, откочевав в места, где крабы отродясь не водились, перенесли их имя на родственное существительное: baka — лягушка (каз.). Но и черепаха — tasbaka — букв. «каменная лягушка». Черепаху и краба больше объединяет — они пресмыкающиеся. Краба и лягушку роднит другая стихия — вода. Да и прыгучестью крабы по молодости, видимо, отличались.

Внутренняя флексия: черта (точка) увеличивает количество корневого гласного в названии основного элемента: ∪ ∘ — *bah; ψ ∘ ∘ — *baah. Сравните: bak — смотри (тур.), 2) паси (каз.). Может быть, и славянское «бог» (*bōh) тем же отличается от авестийского baḥa — «бог».

III

Тем, кто не утратил священного отношения к знаку «убитый бык», принадлежит авторство праздника весны:

ψ - pas-'a < pas-ha
pas-ah
pas-va > pas-ua > pas-hua

Первые значения: «убитый бык» > «не бык» > «малый рогатый» (теленоч, бычок > детеныш), «баран».

В результате контаминации: «детеныш» + «баран» = «детеныш барана», «ягненок». Присутствие черты отрицания привносит смысл — «смерть ягненка».

Синхронно выстраиваются параллельные семантические ряды: 1) «не луна» — «солнце», 2) «середина месяца», 3) «весеннее равноденствие» и др.

И это только часть поэтических толкований, которые конгломерировались в пасхальные ритуалы и обряды, поддержанные легендами. Тысячелетиями нарастали смыслы, чтобы в эпоху пророков этот праздник солнцепоклонничества вошел и в новые религии.

Праздник первого месяца года, весеннего равноденствия, пахоты и начала пашбы сопровождается принесением в жертву агнца. (Католики каждодневно не употребляют баранины, но на Пасху ягненок — обязателен.)

Одногодовалого ягненка иудеи закалывают на исходе 14-го дня первого весеннего месяца. (Если в месяце 28-30 дней, то черта, пересекающая знак месяца, делит это число пополам. И одновременно обозначает — **первый месяц года**.)

Толкуя обычай, иудейские жрецы влетали свои версии в историю исхода евреев из египетского плена. Заклание ягненка должно, оказывается, напоминать о «неприкосновении к первенцам», ибо перед исходом Бог прошел по Египту и погубил всех первенцев — людей и животных. И потому, дабы спасти своих первенцев, иудеи приносили заместительную жертву — убивали ягненка. Прекрасный библейский сюжет: Авраам (у мусульман — Ибрагим) должен заклать своего первенца, чтобы доказать свою преданность Богу. Но в последний момент Бог остановил его руку с ножом, и указал на агнца, запутавшегося рогами в кустах.

IV

Кочуя по культурам, знак солнца под названием *bah-'a (**buh-'a) очень возвышенно понятый древними иранцами: **baħa** — Бог (авест.), вероятно, ими же воплощается в вещественный идол — золотой диск с отверстием.

Графический аналог ☉ *bah-a (*pah-a) материализуется в монету. Не отсюда ли **бага, пага** — цена, стоимость (*монета > деньги) во многих тюркских языках. Возможно, из иранских.

Это слово доходило и до романских. Стало основой глагола **pagare** — платить (ит.). И, возможно, вернулось на Восток в виде добытой в переработке лексемы *pagar (bogar) > **пазар (bazar)** — рынок (иран.; тюрк.). По форме божественного знака «солнца», «святилища» создаются монеты и рынки. Так торговцы входили в храм.

От названия германской монеты «тагса» созданы славянами «яр-марка») («весенний базар»), а в Европе — «маркет» — рынок, торговое место, система магазинов. Да и слово «рынок» очень напоминает ring — круг (англ.).

V

Иероглиф с чертой прорабатывался в прототюркских диалектах. Жрецы огузского племени видят в черте олицетворение Первого Лица, Деятеля. И называют этот элемент сложного знака отрицанием общего названия.

ψ — *bak — паси.

Черта — *bak-an — *пастуший стимул > *пастырь.

В турецком: **bakan** — 1) управляющий, 2) министр. Эта этимология поддерживается результатом толкования кипчакских жрецов: **bakan** — 1) шест, 2) качель (каз.) (*bakkan).

[Эта этимология — один из моих маленьких шедевров. Доказательство правильности расчетов я нашел потом, после реконструкции знака и названия в книге В.В. Вострова, М.С. Муканова («Родоплеменной состав и расселение казахов». Алма-Ата, 1968, стр.66). «Некоторые орды племени Найман также получили свое наименование по названию тамг. Род баганалы имел тамгу «бакан» ψ ψ (по Н.И. Гродекову) ψ Υ (по М. Тынышпаеву) ψ (по С.А. Аманжолову)]

...В Древней Греции и Риме пастухов называли **paganos (paganus)**. Потом, обобщая, — всех сельских жителей. Русичи заимствуют это слово из византийских источников; оно уже отягощено религиозной оценкой — «нехристианин». Возможно, потому, что негорожане труднее поддавались христианизации. В Древней Руси — «поганый» означало просто «язычник».

Черта и точка в «исторические» времена

В нескольких письменностях имеются свидетельства тождества значений точки и черты, бывших, как мы полагаем, диакритическими знаками отрицания. (Впоследствии грамматические функции их могли измениться до обратного, т.е. знаки увеличения, возвеличения.

И соответственно в языках — «первый» — это и «начальный», и «высший».)

I. В древнекитайском письме знак солнца содержал точку, которая заменилась горизонтальной чертой-единицей:

⊙ — re (II тыс. до н.э.). Фонетическое — zi (*zen).

⊖ — re (I тыс. до н.э.).

II. В финикийской и арамейской «солнечной» букве черта вертикальная, как и единица в Древней Передней Азии:

⊕ — kof (фин.)

⊖ — kof (арам.)

Ей соответствует древнекитайский иероглиф, но с горизонтальной чертой:

⊖ — kou.

...Греки и латиняне использовали финикийский знак одновременно, но название его в греческом переразложилось ввиду совпадения начала с древнегреческим артиклем мужского рода: *kof > (ko)f. Буква стала выражать фонему «f».

В латинском этого не произошло. Но черта, выступая за пределы строки, «вынуждена была» изогнуться:

⊕ > ⊖ — kv

...Готские грамматисты, возможно, из тех же соображений («уместности черты в строке») заменили ее точкой. Если не предположить, что существовал параллельно с финикийско-латинским знаком и другой вариант, дошедший до готов. Так или иначе, в их алфавите появляется буква, которую мы имеем право считать тождественной финикийскому и латинскому знакам: ⊙ kv.

Налицо сознательная взаимозаменяемость точки и черты на протяжении тысячелетий. Учитывая это, следует допустить и то, что в первоиероглифике эти значки назывались одинаково. В приведенных примерах отразилось первоначальное *ha, когда «луна» уже именовалась *u. Сложные иероглифы и назывались сложно *hau > kou, kov > kof. Поздний вариант наименования черты-точки был *e(i) > *e('i)..... > d, t. И тогда следует ожидать наименований тех же сложных знаков — i-u (i-un); u-i (un-i).

Сокровища

Поклон советской школе востоковедения и за «Большой китайский словарь» (1993). Он готовился десятилетиями, успел выйти в свет (просто чудом!) в годы самораспада «последней империи», когда культуру перевели в режим

самофинансирования и издательства научной литературы перешли на публикацию вокзального читва. «Большой китайский» был издан на последние средства, оставшиеся от государственной дотации. Четыре громадных тома, мелованная бумага. Прощальный залп научной полиграфии.

Особую радость доставили две сравнительно небольшие книги приложения к основному изданию — «Основы китайского языка» Т.П.Задоевко и Хуан Шуин.

В них приводятся древнекитайские иероглифы II тысячелетия до н.э., еще сохраняющие некоторую образность.

Эта относительная дата считается временем рождения китайского письма. Хотя некоторые ученые «Хань Лян-цы и другие исследователи на основании гипотезы о существовании значков фонетического заимствования в гадательных надписях делают вывод, что письменность в Китае возникла значительно раньше, чем во II тысячелетии до н.э. Более того, этот вывод служит аргументом для утверждения о возникновении письменности, а следовательно, и классового общества при династии Ся, т.е. в III тысячелетии до н.э.»³

Не знаю, как насчет классового общества, но, судя по некоторым прямым связям с шумерской и египетской иероглификой, китайское письмо вполне может претендовать на еще большую древность.

...Кювье по одной косточке мог воссоздать скелет доисторического животного. Ибо реконструировал системность связей элементов целого. Так же восстановимо общечеловеческое письмо эпохи Солнцепоклонничества, если мы воскресим систему закономерностей, грамматику иероглифа. После чтения «Основ китайского языка» я могу представить, что это такое — «ни с чем несравнимое чувство своей правоты», испытанное Химиком, когда состоялись открытия элементов материи, предсказанных его Таблицей.

Понять истину легче, чем рассказать о ней и убедить других.

Одно дело манипулировать знаками, созданными в твоём воображении, и совсем другое — расшифровывать нормальные письма, миллиарды раз выводившиеся резцом и кистью на черепаших панцирях, глиняных таблицах и пергаменте.

До бумаги они не дошли: она была изобретена монахом Цай Лунем во II веке н.э., когда

³ А.А.Серкина. «Опыт дешифровки древнейшего китайского письма». Изд. «Наука», Гл.редакция восточной литературы. Москва, 1973, стр.20.

иероглифы Барана и Коровы в китайском письме утратили символическую образность. Я нашел в «Основах...» вычисленные мною знаки. Вот они, эти великие иероглифы:

 — iang — баран
 — niu — корова

Все мои многолетние штудии по восстановлению первоиероглифа «не бык» = «убитый бык» обрели доказательную почву. Для меня самого в первую очередь. С того счастливого дня я уже не сомневался в правильности произведенных расчетов, на которых строился метод новой этимологии.

Что было бы, если бы ты начал исследования именно с этих иероглифов, пытаешься понять, почему «рога» сопряжены с «копьем»?

Наверное, ничего. Согласился бы с мыслью о немотивированном произволе древних китайских знакотворцев. Нет, к этим знакам надо было подойти издалека, пройдя сквозь все то, что тебе довелось испытать за десятилетия до неожиданной встречи — и радость узнавания, и отчаяние неуверенности.

...Праформа обоих иероглифов напрашивалась:

*** — 1) корова, 2) баран, 3) теленок
 *** — 1) корова, 2) баран, 3) теленок

И движение поэтической мысли было вполне доступно пониманию: механика образного мышления едва ли изменилась за прошедшие тысячелетия. Угадывается интерпретация, расшифровка диалектных вариантов с длинным и укороченным копьем.

Баран — «не бык, но мелкий рогатый». В то время как корова — «не бык, но крупный рогатый».

Название исходного знака — ***ben > **en > *eng > iang досталось варианту с укороченным копьем, хотя по справедливости должно было принадлежать другому, продолжающему праформу.

Корова была названа своим нынешним именем значительно позже, когда гласный огубился *iun и наименование разложилось на «составляющие» *iu-п. Видоизменение графемы потребовало и акустической реакции. Процесс переименования омонима протекал в этнически сложной среде еще до того, как предки китайцев двинулись на Восток. Индоевропейское сотрудничество, возможно, чувствуется в «самоопределении» носового согласного.

Новый иероглиф назвали палиндромом *п-iu.

...Индоевропейцы, по-видимому, работали с этими графемами, но уже в период, когда знак барана величался *iun и понимался — «теленоч», «детеныш». Закрепилось переносное значение — «юный», «молодой». [Ср. *iang > *iong > *iung — юный (герм.), *iun — юн (слав.), *iung > *iuns — «юнак», «юнош(а)» (слав.), *unk — «уноша», «уношь» (др. рус.), *unuk — «внук» (др. рус.), — opok — уменьшительный суффикс (др. рус.). «Итальянский рефлекс» проявляется в готском iuggs — юный (*iung-us). (На знак солнца «круг, разделенный пополам» намекает слав. iug — *полдень, полуденная сторона.)

В диалектах, не приемлющих иотизации, дифтонг прославлялся евразийскими протезами: *ian = *ihan = iwan. Особую популярность получил в мире второй вариант названия знака с губной перемычкой: *iwan > *iuan > *ioan — юный, молодой.

И вновь срабатывает неприятие стечения гласных: *iowan. На этом этапе отмечается *iuwan — молодой, юноша (др. инд., авест.), giowan(e) — юный(ит.).

Первичное значение сохранилось в iuvenis, iuvenus — теленок, бычок (лат.). В славянских: «юнец», iunec — теленок (болг., серб., хорв., словен., др. чеш., пол.), iunk — бычок (н. луж.).

...В именах божеств отпечатаны первоиероглифы. Двуликий Янус — древнеиталийский бог солщеворота и легкого равноденствия, которому поклонялись и римляне до принятия христианства, утратил свой знак. Мы, опираясь на его функциональность и значение постоянного эпитета, можем предположить, что символ его представлял из себя круг (или полукруг), разделенный пополам вертикальной чертой.

И, помня правило, по которому зачеркнутый месяц назывался так же, как перевернутый, допускаю, что два названия священного символа встретились при скрещивании культур в процессе этногенеза в речевой билингве: *ian = kupol.

Славяне отмечают праздник летнего равноденствия 22 июня и божество этой даты называется Иван Купала (рус.), Янка Купала (белорус.). При этом в полночь накануне равноденствия на луг, где разводят ритуальные костры, торжественно выносят колесо на шесте. И начинается праздник.

   — *iaq > *ioq > *iun

Знак огня-солнца, как мы полагали, был двух вариантов — зачеркнутый месяц (колесо на шесте) и опрокинутый месяц (купол). Оба они изображаются в ритуале. Если первый подсказал время проведения праздника (равноденствие), то второй — прыгать через костер широко разводя ноги, т.е. создавая ногами знак купола, опрокинутого угла. И делают это толь-

ко юные. Даже это значение знака контаминировано в обряд. Он — общий у славян и романцев. Доисторический бог *ioan* в католицизме канонизирован. И французы ежегодно отмечают день Святого Жана, прыгая через костры.

Священный знак огня присваивался богествам, имена коих попали в библейскую традицию («Иоанус») и позже в кораническую («Юнус»). Интересно, что христианское и мусульманское имена распространялись с латинским суффиксом *m. p.*, что говорит о сильном культурном влиянии римлян на Переднюю Азию конца I тысячелетия до рождества Христова. Имя «Иисус» также отмечено этим формантом.

...Когда вслед за чертой числовое значение придадут и месяцу («пять»), то контаминация смыслов приведет в древнеиталийских культурах к новой функции сложной графемы-цифры. Она будет обозначать шестой месяц — **i-un*. (Именно тогда празднуют летнее равноденствие.)

Добавив еще одну единицу, усложнили название седьмого месяца — **i-iun*.

От путаницы близкозвучащих лексем спасла диалектная форма, испытавшая действие закона NLR — **i-iul'*.

II

Значит, индоевропейцы в отличие от китайских грамматистов не опускали черту-копье ниже круга (месяца) и, думаю, более того, поднимали ее, перечеркивая все поле основного элемента.

В одних случаях это происходило механически, в других изменение величины черты приводило к грамматическому результату:

ψ — **iu-n*

Ψ — **n-iu*

В последнем варианте полукруг понимается уже как «лунка», а «черта» — росток. И переносное значение — «новое растение» > «новое».

Думаю, так произошла пара **iu-n* — «юный», «молодой» (*телёнок), **n-iu* — «новое», «новый», почти сохранившаяся в самом консервативном из германских языков — английском: *iung* — юный, *new* — новый (устное — *niu*).

...Тюрки образуют свое определение этого понятия аффиксальным антонимом. Увеличивая черту, добавляют ее название в виде аффикса «i»: *iangi* — новое (узб.), *eni* — новое (тур.).

В казахском употребляется аналогичный формант отрицания: **iaŋ-a* — новое (устное — «жана»).

Знак нового, скорее всего, заимствован из индоевропейских.

...А исходный с «короткой» чертой имеет в тюркских наречиях более древние формы, чем в индоевропейских языках **eng - *endz - gendz* — юный, молодой (тур.), *giandz* (азерб.), *kenze* — самый младший из детей (каз.).

III

Попытка из одного знака, общего для Коровы и Барана, сотворить два отразилась в языке. Названия этих священных животных должны были противопоставляться как антилоги.

В одних диалектах исходным было название барана (как в китайском), в других — коровы.

Допустимо предположить, что индоевропейское **ow* — корова («gau», «kov», «gov») стало основой для антонимических **ow-n = *ow'a* — баран [oven — баран, овца (фр.)].

Только приняв отрицающий аффикс за окончание ж.р., славяне развели по родам диалектные наименования малого рогатого *овен* — баран и *овка* — овца.

Этот пример вдохновляет на анализ тюрко-узбекского *kuin (*uin)* — «баран», «овца», столь же характерно отличающегося от *ui* — корова (др. уйг., кирг.). В тунгусо-манчж. *kuni* — баран (**un-i*). В монг. *kon'* — баран (**un-i*). В славян. *kon'* — безрогое животное, лошадь.

...В тюркских *kün, gün, kön* — солнце (**i-un > gün*). В майя — *kiŋ, king, kin* — солнце. В инкском *kon* — солнце (**kön*).

IV

В древнекитайское письмо была включена еще одна разновидность знака *iun*:

*ψ — **jun*.

В период «квадратизации» круг передавался квадратом, а полукруг — прямоугольником. Так, думаю, возникает нынешний иероглиф:

⊞ — *jun* — середина.

Этот иероглиф участвует в написании слова *Džun-gou* Китай (букв: «срединное государство»). Идея этноцентризма была, скорее всего, подсказана старинным знаком солнца «круг с точкой», имевшим такой вариант названия.

(Продолжение следует)